

евгений
гришковец

ОДНОВРЕМЕННО: ЖИЗНЬ

ODNO
VREM
ENNO .COM

Евгений Валерьевич Гришковец

Одновременно: жизнь

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8344967

Одновременно: жизнь / Евгений Гришковец; Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-75878-4

Аннотация

«Одновременно: жизнь» – новая книга Евгения Гришковца, основанная на его интернет-дневнике.

Кажется, что Гришковец говорит о частной жизни, а получается, что формулирует важные для многих вещи. Те, что тоже вращались в голове, но никак не складывались в высказывание. Делится своими размышлениями о значимых для всех событиях и тоже – формулирует для кого-то то, что никак не удавалось додумать и проговорить. Насыщенность событиями очередного прошедшего года, в котором каждое последующее событие заслоняет собой предыдущее, не дает шанса осознать всего того, что с нами происходит. Дневник дает возможность спокойно оглянуться на прошедший год. Без суеты.

Содержание

17 февраля	5
28 февраля	19
1 марта	24
3 марта	31
4 марта	35
9 марта	38
22 марта	40
25 марта	45
11 апреля	50
12 апреля	52
14 апреля	61
16 апреля	64
11 мая	67
1 июня	70
22 июня	79
23 июня	84
25 июня	87
26 июня	93
30 июня	98
2 июля	105
4 июля	113
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Евгений Гришковец

Одновременно: жизнь

© Евгений Гришковец, 2014

© Серж Севастьянов, обложка, 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

17 февраля

День рождения, или Немного о цифрах

День рождения, дата рождения – это первые цифры, которыми обозначается человек. Это те цифры, которые каждому предстоит помнить и чаще других писать всю свою жизнь. И как бы человек ни относился к своему дню рождения, в смысле как к празднику или наоборот, отмечает он его или скрывает, любит подарки или, напротив, хочет всем друзьям и родным сделать подарок в свой день рождения, ждёт многие месяцы его как чуда или не придаёт этому дню никакого значения и прячется от всех в этот день, – это не важно. Важно другое. Вот родился человек в чётное число, и как-то сами собой ему милее и ближе чётные числа любых размеров. Или наоборот, нечётным числом он появился на свет, и поэтому роднее ему нечётные числа, и сорок третий размер обуви ему приятнее сорок четвёртого. Та цифра, на которую заканчивается дата рождения, видится человеку более красивой, знакомой и какой-то своей, даже если это ноль – в случае, когда человек родился десятого, двадцатого или тридцатого... Для всех остальных ноль таинственен и безлик. А если человек родился в первую декаду месяца, свою одну цифру он любит больше всех остальных. Двухзначная цифра, совпадающая с днём рождения, радует глаз в номере автомобиля, номере дома, маршрута автобуса или авиарейса. Как радуем-

ся мы, получая в гардеробе номерок, совпадающий с нашим днём рождения, радуемся, как какому-то странному выигрышу, как доброму знаку. Кто-то может отдать предпочтение менее удобной или более дорогой квартире только из-за номера. Ну а если ещё и номер подъезда этой квартиры совпадёт с номером месяца... Когда в чей-то год рождения случилось значительное событие, это событие становится человеку более важным, великим и памятным, каким-то нечужим. Человек чувствует некую причастность к этому событию, даже если оно происходило на другом континенте. И пусть его год рождения совпадает с открытием той или иной вакцины японскими или индийскими учёными, с проведением Олимпийских игр чёрт знает где, далёким землетрясением или вводом войск одной африканской страны в другую... Даже если та или иная эпидемия или географическое открытие случились сто, двести или тысячу лет назад и совпадают с нашим годом рождения только последние две цифры, даты произошедшего, нам уже памятны эти события. Так война или изобретение паровой машины кого-то впечатляет сильнее, чем завершение строительства храма или крупное наводнение. Например, печатную машинку «Ремингтон и сыновья» запатентовали в 1867 году, и это была первая запатентованная печатная машинка. А я родился в 1967-м. Так вот, я усматриваю в этом символические знаки, и «Ремингтон» мне чем-то бесконечно милее «Ундервуда». Любого человека, родившегося с нами в один год, мы почему-то изначально

рады видеть и предполагаем в нём близкие нам жизненные взгляды и жизненный опыт. Ровесники вызывают доверие и теплоту. Чем дальше, тем больше, несмотря на массу разочарований. Но когда мы встречаем человека, у которого тот же день рождения, то есть то же число и месяц появления на свет, мы радуемся ему как близкому родственнику, которого от нас скрывали всю жизнь. И неважно, старше тот человек или сильно моложе... или другого пола. Сам факт появления на свет в один календарный день с вами сообщает человеку особую близость и располагает к нему. Мы выделяем исторических личностей и великих деятелей из общей вереницы, если совпали с ними датами рождения. И какой-нибудь не самый значительный и гениальный философ, полководец или естествоиспытатель нам запоминается и ощущается более своим, если родился с нами в один день того же самого месяца. Поэтому кто-то, даже не любящий музыку, узнав о совпадении дней рождения, будет внимательнее и лучше относиться к композитору Сибелиусу или Массне, чем к Моцарту или Баху, а о существовании Генделя может и вовсе не знать. То же самое может случиться с человеком, далёким от философии, который лучше всего относится к философу Фихте, или Шопенгауэр ласкает ему слух. Мало-значительный деятель Великой французской революции может быть кем-то почитаем по вышеуказанной причине, и даже портрет его может быть повешен на стенку или украсит чей-то рабочий стол. Один из братьев Черепановых будет

кому-то милее другого брата. Братья Стругацкие будут для кого-то неравнозначны, Люмьеры, Ильф и Петров, даже супруги Кюри... А кто-то в юности, узнав о совпадении дат, увлечётся энтомологией, математикой, химией или хирургией. Даже если совпадение попало на какого-нибудь изверга, упыря или злодея, чьё имя в истории окрашено самыми жуткими красками, – всё равно тот, чей день рождения совпал с означенным чудовищем, в глубине, тайком, сокровенно, испытывает к нему некоторую симпатию, интерес, пытается оправдать его и даже более того. То же с актёрами, актрисами художниками и, Господи, прости, с нынешними политическими деятелями... Даже с депутатами и губернаторами. Мы присваиваем себе праздники, в которые родились, большие, значительные и не очень. Маленькие даже легче присваиваются, чем Новый год или Восьмое марта. Вот родился человек в День работника типографской промышленности, он нет-нет да и выпьет за работников типографии. Выпьет даже не в день рождения, а так... в любой день. Почему? А потому что испытывает к тем, кто трудится в типографиях, особую симпатию. И на здание местной типографии он смотрит не без улыбки, проходя или проезжая мимо... Мимо любой типографии, в любом городе. Ну а уж если выпало родиться в иного рода праздник, становится обидно, что кто-то празднует День святого Валентина или святого Патрика, а не ваш день рождения. Как должно быть обидно первого мая получить от приятеля поздравление с Первомаем,

если приятель забыл, что ты родился в этот день. Обидно, когда самые близкие забывают поздравить с днём рождения. Обидно, если цифры и название месяца, означающие дату твоего появления на свет, не светятся, не горят, не сияют в памяти друзей и родных, не вопят с календаря, не напоминают сами собой. Стыдно и самому забыть цифры друзей и близких. Ужасно опомниться поздно вечером дня рождения мамы, брата или жены, когда ты в отъезде... И ведь помнил же всё время, и гордился тем, что знаешь день и даже год рождения тёщи... И вдруг раз – и оплошал. Не включилось что-то в памяти, не сработало напоминание, что именно сегодня надо было раньше всех на свете позвонить, а потом захватить за цветами, а с подарком вообще решить всё заранее. Поэтому, чтобы не переживать оттого, что старинный друг, любимый младший брат или драгоценный племянник забыли поздравить с днём рождения, и чтобы дорогие сердцу люди не страдали и не мучились совестью из-за того, что упустили, запомнили, не успели со своевременным поздравлением, старайтесь сами невзначай, а то и прямым текстом напомнить всем, кто дорог, о своём дне рождения. Нет, все, конечно, помнят... Но лучше напомнить. Не ради себя. Заботы ради. А мы часто ворчим, мол: дорогая, у Гоши день рождения. Я должен пойти обязательно. И ты тоже! Почему недавно?! Уже год прошёл. Нет, это у Кости был день рождения в октябре, потом у Бори в ноябре, а теперь у Гоши. Что значит не в чем пойти?! Да кто помнит, в чём ты была

у Кости? Да я сам эти дни рождения терпеть не могу. И сам устраивать не буду! Только разве что самым узким кругом соберёмся. Ума не приложу, что Гоше дарить в этот раз. Вот так ворчишь, действительно не хочешь идти на этот, с позволения сказать, праздник... Выбор подарка похож на пытку – но страшно даже представить себе ситуацию, что Гоша возьмёт да и забудет пригласить. Или намеренно не пригласит. А ещё ужасней, если кто-то спросит: «А ты идёшь завтра к Гоше?» Или потом: «Что-то я тебя у Гоши на дне рождения не видел. С тобой всё в порядке?» Или сам месяца за два до очередного дня рождения сначала себе, потом жене говоришь, мол: не волнуйся, тебе нынче не придётся готовиться. В этот раз не хочу отмечать. А зачем? Давай вообще уедем куда-нибудь. Или хочешь, я телефон с вечера выключу? Что значит это не твоё дело? Что значит решаю сам? погоди-погоди! Что значит это мой день? А тебе что, разве не важно?! А потом дней за двадцать или за пару недель, вечером на кухне говоришь: «Ну, всё же Гошу и Костю с жёнами надо пригласить. Пойдём куда-нибудь маленькой компанией. Они же нас приглашали». А через день: «Ой, а Борю же невозможно не пригласить! Вспомни, какой он мне сделал подарок. Ну конечно, с женой... А если Борю, тогда и Игоря. Он без Игоря не пойдёт. Кстати, неудобно не позвать Юлю. Она всегда про всех помнит и всем напоминает. Она же, в сущности, такая одинокая. Для неё все эти крестины, новоселья, годовщины, дни рождения, это так важно...» В итоге

получается список минимум из тридцати человек. И никого нельзя не позвать. Все необходимы. Все нужны. Без кого-то даже представить себе невозможно собственный день рождения. А сколько тех, кто далеко, кто не может, у кого неотложные дела! Список тех, кого приглашаешь на день рождения, прекрасен. Его любо-дорого перечитывать. И как же хочется иногда немедленно навеки вычеркнуть из списка тех, с кем с детства знаком, то есть самых дорогих, самых близких... Тех, кто вдруг говорит, когда ты заранее позвонил, чтобы пригласить: «Ой, родной мой, никак не могу! Мы уже спланировали этот день. Нас не будет. Будем кататься на лыжах». Думаешь в такой момент: «Они что, забыли?! У меня каждый год день рождения в один день. Лыжники, понимаешь, тоже мне! Как-то раньше жили без лыж, а теперь лыжи у них именно в этот день». Или кто-то скажет, что ещё месяц назад купил билеты на балет или в оперу, о которой мечтал давно. Но после балета или оперы они с женой могут забежать. Слышишь такое, и тут же возникает вопрос: «Опера или балет идут часа три с половиной минимум – кому они нужны после оперы?» – подумаешь так, а сам скажешь: – Ну что ты, что ты! Не переживай! У меня ничего особенного не будет, а там такой замечательный спектакль». Однако самое страшное, когда говорит жена старого друга: «Ой, прости, я уже раньше пообещала именно пойти к Марине на день рождения. Нет! У неё тремя днями раньше. Просто она решила отмечать в этот день... Гоша? Он никак не может! Он идёт

со мной. Я пообещала. Прости ради бога!»

Тонкая штука – день рождения. А ещё тонкая вещь – подарки. Сколько б ни прошло лет после детства, в каком бы возрасте ты ни находился, всё-таки подарки на день рождения – это очень важно! Кто бы что ни говорил! Конечно, есть люди, которым практически невозможно сделать подарок. Их состояния или их должности таковы, что дорогой подарок будет либо нелепостью, либо из-за него можно быть заподозренным в неискренности и подбострастии. В таком случае нужен остроумный подарок... Но вдруг виновник торжества не в ладах с остроумием, да и символический подарок ему будет непонятен? Что делать тогда? Ясно одно: что-то важное утратили люди, которые не ждут и не радуются подаркам на день рождения. То есть которые забыли детское ощущение ожидания и вожделения того, что подарят в день, который кажется – должен казаться – только твоим! Когда можно и должно желать и даже требовать к себе внимания, заботы и любви... Ну и подарков, конечно! За что? А за то, что ты родился! Не больше и не меньше! Один день в году можно многого себе хотеть. И обидно, когда даришь другу подарок, который долго выбирал, или решил что-то ценное оторвать от сердца, что-то дорогое и важное... или прослышал о том, что друг действительно хочет, и купил ему это... Ты ехал к нему на день рождения радостный и с подарком. Ты предвкушал его удивление и восторг – а он даже не взглянул на него, не распаковал, не разорвал

обёрточную бумагу, не развязал бантик. Просто взял подарок у тебя из рук, поблагодарил, поставил к другим подаркам, пожал тебе руку и пошёл к вновь подошедшим гостям. Обидно! Но именно в день рождения можно взять и оценить своего друга или родственника. Оценить весьма конкретно и весьма определённой суммой денег. Кто-то скажет: «Это невозможно! Как можно оценить человека, а тем более друга или родственника деньгами, да ещё конкретной суммой? Это либо чепуха, либо свинство! За такое знаешь что полагается?» Скажет так кто-то, а сам пойдёт покупать вам подарок и подумает: «Так... Хорошая вещь, ему бы понравилась и пригодилась. Но дороговато! У него что, юбилей? Нет вроде. Рядовой день рождения. Дорого! А что он мне в прошлом году подарил? О-о-о! Точно дорого! Так. А вот это? А это для него дёшево! Нет, это слишком дёшево, чтобы ему дарить на день рождения». И в конце концов найдёт он именно то, что, по его мнению, можно вам подарить, а главное – какую сумму для вас можно выделить в этом году, на ваш день рождения. Эта сумма будет определена и понята как оптимальная для вас. Забавная штука – подарки на день рождения. Но без них невозможно! Иначе сама суть ритуала под названием День рождения утратит свою детскую первородность. Суть личного праздника, личного Нового года... День рождения – это личный Новый год. Без подарков нельзя. А в каком возрасте ты начинаешь ждать день рождения? В три года? В четыре? Позже? Это зависит от того, как и что сдела-

ли родители, чтобы маленький человек начал понимать свой день рождения как важный и ожидаемый праздник. Это родители создают ожидание праздника. И это родители ещё до того, как ты начал ждать свой день рождения, сначала празднуют каждый месяц твоего первого года жизни, отмечаются твой первый зуб, первый шаг, первое внятное слово.

А мы ждём подарков. Подарков обязательно! Только потом, с годами, помимо подарков, начинаем ждать новых ощущений. Новых! От новых цифр! Первая круглая дата – 10 лет – проскакивает легко и незаметно. Детство в 9 или в 11 лет – это детство и детство. Интересной, ожидаемой цифрой является 16. Смотришь в свои 14 лет на 16-летних, а они такие взрослые... Думаешь: неужели я буду таким? И что я почувствую и узнаю? А стоит перевалить за 16, думаешь, что будет за 17-ю... И 18 лет кажутся рубежом. От 20-летия ожидаешь чего-то особенного. Прислушиваешься к себе, мол, что со мной произошло? Что во мне поменялось? Диковинно и странно звучит: пошёл третий десяток. Какой третий?! Это же я! Да я же ещё мальчишка... Тридцать лет – первый юбилей! Чувствуешь себя солидным, многоопытным, и всё в твоих руках. Хочется отметить свой первый юбилей с размахом. С размахом взрослого и солидного человека. Но размах получается какой-то... Как замах. Да и замах тот выходит мелким... После тридцати ждёшь возраста Иисуса Христа. Страшноватые две тройки. Что там, за ними? И все эти годы примеряешь к себе цифры рождений и смертей поэтов, ге-

роев, артистов. Лермонтова проскакиваешь как-то уж очень быстро! Раз – и ты уже старше Михаила Юрьевича. Это поражает. Потом, почти сразу, – Есенин, Маяковский... Пушкин оказывается поразительно молодым, когда ты отмечаешь 37-летие. В то, что Чехов умер в 44 года, невозможно поверить. С какого-то момента неприятно узнавать, кто и в каком возрасте совершил открытия, написал книгу или командовал полком, а потом армией... Правда, Мэрилин Монро была не так уж юна, да и Элвис не был мальчишкой по сравнению с Лермонтовым. А с какого-то момента, наоборот, начинаешь приглядываться к мэтрам и думать: «Я же его прекрасно помню двадцать лет назад. Был цветущий, а теперь совсем зачах. Сколько ему? Всего-то! Да-а-а! Мог бы выглядеть получше!» Или: «Надо же! Отмечает 80-летие, а как огурчик! Мне бы так! Молодчина!» С какого момента тебя начинают удивлять и даже изумлять собственные цифры? Цифры прожитого, цифры возраста, цифры, отделяющие от каких-то событий, цифры возраста детей, число внуков у друзей и знакомых. С какого момента исчезают люди твоего возраста? В смысле ты можешь повстречать человека твоего года рождения и даже всего на пару недель тебя младше или старше, но, глядя на него, думаешь: «Ну нет... Я выгляжу моложе! Не может быть, чтобы я выглядел как он. Ну, в смысле такой же... взрослый».

День рождения – странный праздник! У каждого с ним свои взаимоотношения. Всего 31 вариант чисел и 12 вари-

антов названий месяцев. Немного на всё человечество. Но каждый любит и ценит своё сочетание особо. Каждый видит в своих цифрах особую красоту и тепло. Любит свои цифры больше остальных... пока не родятся его дети. А вот родятся, и цифры детей станут ещё более родными. Этими цифрами человек станет кодировать сейфы, пароли, наборные замки чемоданов, двери и прочее. Эти цифры будут греть особой теплотой. И появятся дни рождения, в которые ты будешь чувствовать себя немного создателем, немного триумфатором... Будешь тихонечко сидеть в сторонке во время застолья и скромно ждать традиционного и обязательного тоста для всякого дня рождения. Понятно какого. Ну, а если сын или дочь далеко, в этот день будешь ждать звонка от того, кто когда-то, в день, обозначенный этими цифрами, родился не без твоего участия. Хотя нет! Ты сам позвонишь, желая быть самым первым. Первым, кто поздравит.

Милые, милые цифры. Я, например, люблю цифру 7. Она есть и в числе 17 – дате рождения, и в 1967 – годе рождения. И ещё я люблю февраль, потому что родился в феврале. Хоть этот месяц и не за что любить. В смысле погоды и общего настроения, особенно в моих родных краях. Но зато май 1966 года был счастливым для двух совсем молодых людей... Я – тому доказательство. А кто-то родился 29 февраля. И гордится, что его месяц и число бывают раз в четыре года. А кто-то 28 февраля и 1 марта високосного года и, в отличие от многих, любит високосные года. А также многие

сотни раз за жизнь скажет, мол, слава богу, что не родился 29-го. Всяк любит свой месяц. Должен любить! Обязан! Любить, как он звучит на любом языке мира, любоваться тем, как он пишется... Например, мне Февральская революция всегда была милее Октябрьской. Но вот родилась дочь в октябре – уже и Октябрьская ничего. Если человек не любит цифры и месяц своего рождения, значит, что-то в его жизни не так. Что-то было неправильно. Что-то сложилось неудачно. Возможно, сама жизнь, которая началась в тот день, в том месяце и в том году. Приятно заглянуть в газету, вышедшую в том году и в тот самый день. Приятно не только поддержать её в руках, но и почитать, узнать, что тогда произошло. Мы же не помним этого дня. Никто своего дня рождения не помнит. Поэтому я не помню, что меня не было. Мне кажется, я был всегда – оттого, что не помню, как и когда родился. Мне кажется, я был всегда! Это я так чувствую для себя. Наверное, многие так же. Но для остальных отсчёт нашего существования и присутствия начинается с того самого дня рождения. С того самого праздника, который мы непрерывно, очень по-разному, часто ужасно трудно, иногда из последних сил, порой радостно, реже – счастливо, не понимая, зачем и почему, но всё же любя, – празднуем всю свою жизнь, каждую её минуту, каждый её миг. Этот непрерывный праздник непременно упрётся в другие цифры. Нам эти цифры неизвестны. И нам не придётся их помнить. Почему? А потому, что первые цифры важнее. Без них не было бы и

тех – о которых мы не будем говорить.

28 февраля

Позавчера поздно вечером вернулся с первых в этом году гастролей. Неожиданно сильно устал. Может быть, авитаминоз и некоторое расслабление – трудно сказать. Хотя, помимо спектаклей, было много побочных дел. В частности, день рождения. Утомительный, скажу вам, праздник для виновника торжества! Утомительный прежде всего в смысле волнения. Всегда волнуюсь, когда что-то организую для друзей и знакомых, а тут ещё многие съехались из разных городов: Иркутска, Кемерово, Омска, Кирова, Нижнего, Казани, Ростова, Калининграда, Питера, Краснодара, ну и из Москвы, конечно. Всего было человек сорок. Люди, в основном между собой незнакомые. Люди, которые встречаются друг с другом раз в год на моём дне рождения. От этого возникает удивительно свободная и радостная атмосфера. Совсем не такая, как когда собирается компания, которая и так на все праздники, а также на летний отдых ездит вместе. Читал гостям эссе про день рождения. Со всеми, сколько мог, поговорил, всех, кого мог, познакомил, а потом всех из последних сил проводил. Напоследок мы вдвоём с Пускепалисом раздавили бутылочку водки, которая имела какое-то военно-морское название. Из нас немножко выползло морского братства и дружбы двух флотов – его Северного и моего Тихоокеанского. Мы дружно решили, что Черноморский

флот – это вообще не флот, на том и расстались. Он, как настоящий моряк, ушёл последним. Ну а следом и я, как капитан этого праздника, который бывает раз в году.

А на следующий день я потерял мобильный телефон. Вот это был кошмар! Понятное дело, что купить новый аппарат и восстановить связь дело нетрудное. Но вместе с аппаратом канули многие контакты, а главное – за день рождения я получил более пятисот эсмэс-сообщений, на которые собирался хоть как-то ответить за два-три дня, потому что сразу отвечать не мог совсем. Но эсмэс-поздравления исчезли, и я на них не только не ответил, но даже не узнал, что мне написали люди, которые, надеюсь, искренне хорошо ко мне относятся. Я в очередной раз убедился в том, как беспомощен человек в современном мире, оставшийся без мобильной связи и без той информации, которая содержится в этой... такой маленькой, так часто нас раздражающей штуке под названием телефон. Эх! Да ещё жалко нескольких хороших фотографий, которые были в телефоне, я их нигде больше не сохранил. В частности, фотографий с дня рождения.

Хочу рассказать о приятном впечатлении, которое получил 15 февраля. Меня давненько пригласила группа активных студентов МГУ: повстречаться со студентами и поговорить на любую тему. 15-го у меня как раз было время. Мы назначили эту дату ещё с прошлого года. Сама встреча проходила на химическом факультете. Это отдельное здание, ря-

дом со знаменитой башней. Мне было приятно, что с инициативой вышли не филологи и историки, а именно химики. Хотя, если бы это были физики или математики, мне тоже было бы приятно. Я не без опаски шёл в МГУ. Всё-таки это самый высокий, в смысле высоты главного корпуса, и, бесспорно, самый знаменитый университет страны. Я знаю много известных выпускников МГУ (да их многие знают), которыми вузу не стоит гордиться. К тому же у меня свежа память встречи со студентами МГИМО, после которой я какое-то время вообще не хотел встречаться со студентами... Но то, с чем и с кем я встретился в этот раз, меня порадовало и даже воодушевило. Мне понравилось само здание, огромная лестница при входе. Помпезное, но неряшливое и слегка замызганное внутреннее убранство коридоров, помещений и аудиторий. Мне понравился красивый, но ушатанный и расхлябанный паркет просторных холлов. Я поел в студенческой столовой. Мне понравилась и столовая, и еда, и те, кто рядом со мной ел. Надо сказать, что столовая для студенческой недешёвая, но еда была именно столовская. До такого состояния гречневую кашу разваривают только в столовых. Но было вкусно – по-столовски. Встреча проходила в большой поточной аудитории и шла два часа. Собралось, думаю, человек триста. Не могу сказать, что получился какой-то особенно острый или умный разговор. Было несколько действительно неожиданных вопросов, над которыми мне прямо-таки пришлось потрудиться. Было что-то весёлое. Не

всегда мне удавалось отвечать остроумно и быстро. Возможно, кто-то даже остался недоволен. Не знаю. Мне просто очень понравились обстановка и лица. Мне показалось, что в основном на встречу пришли не гуманитарии. Во всяком случае, химики, физики, математики, географы, биологи активнее и больше задавали вопросов. Мне было радостно видеть лица людей, которые поступили учиться на эти весьма сложные академические факультеты. Я как будто оказался в своей юности и в своём университете, во втором корпусе, где как раз и обитали биологи, химики, физики, которые очень выгодно смотрелись на фоне историков и юристов. В смысле одеты, может, они были не так ярко, зато лица поодухотворённее. Я весьма устал от встречи, устал физически. Ехал из МГУ в театр, и у меня кружилась от усталости голова. Я не мог понять причины усталости, а потом понял, что основные силы ушли на то, чтобы удерживать внимание аудитории. Они же были у себя дома. Это я к ним пришёл в гости. А они молодые, весёлые... В театре всё наоборот – все приходят в гости ко мне... А тут я был в гостях – это совсем другое дело.

Как же я люблю непричёсанную, нерафинированную, настоящую студенческую среду! Как мало у меня её было! И как же мне нравится с ней соприкоснуться. Но уже никогда я не буду в этой среде своим. Только гостем.

20 февраля, когда был в Питере на гастролях, нашёл вре-

мя съездить к тому дому, в котором с 1973-го по 1976 год жил с родителями, из которого в 1974-м пошёл в школу. Побывал во дворе. Прошёлся от дома до школы и обратно. Но об этом хочу рассказать завтра. Я 37 лет в этом месте не был. Это отдельная история.

1 марта

Позавчера повесили на дерево возле дома ещё один скворечник. Первый провисел больше года, прежде чем его облюбовали хоть и не скворцы, но зяблики. А зяблик, он и в Африке зяблик. Птица хоть и мелкая, но деловая, да к тому же деятельная. А это далеко не одно и то же и ой как не всегда совпадает. Интересно, прилетят ли наши зяблики нынче и поселится ли кто-нибудь в новеньком скворечнике? Надеюсь. Весна покажет.

Весь день, с самого утра, было яркое, можно сказать, нестерпимо яркое солнце, сильный ветер и небольшие стремительные облака. Птицы надрывались, как могли. Неужели, чёрт возьми, никому из них не захочется поселиться в новом, чистеньком, пахучем скворечнике?! Смотрю, как он висит на старой, корявой, уютной яблоне... Вот прямо сам бы там жил!

Хочу рассказать про посещение своего ленинградского двора и своей первой школы... Дом, в котором мои родители снимали малюсенькую однокомнатную квартиру с 1973-го по 1976 год, имеет адрес, запоминающийся легко и сразу: Институтский проспект, дом 1. Это Выборгская сторона. Через дорогу от нашего дома начинался парк Лесотехнической академии. Номер школы, в которую я пошёл, тоже бы-

ло запомнить нетрудно. Я пошёл в школу в 1974 году, номер школы – 74. Теперь это 74-я гимназия города Санкт-Петербурга.

Район Питера, в котором прошли три года моего нежно-го детства, ничем не особенный. Если человека с закрытыми глазами туда привезти, открыть глаза и сказать, что он находится на окраине Томска, Барнаула, Орла или Хабаровска, он и не усомнится, не заподозрит подвоха, ничто не на-помнит ему в городском пейзаже, что он в городе Петра и колыбели трёх революций. Рядами идут скучные пятиэтаж-ки – хрущёвки силикатного кирпича, с вкраплениями отго-лосков сталинской архитектуры. Между пятиэтажками тор-чат точечные девятиэтажки на один подъезд, которые выгля-дят свежее пятиэтажек, но которым тоже уже за сорок.

Я приехал около трёх часов дня к дому 1 по Институт-скому проспекту и вошёл во двор. Я не был в этом дворе 37 лет – и сразу всё узнал, всё вспомнил, всё нашёл. Я не случайно выбрал именно это время для посещения, именно конец февраля. Я хорошо помню конец февраля того свое-го возраста, потому что 17-го у меня день рождения, а день рождения так или иначе запоминается. Погода в этот раз бы-ла точно такая же, как и в мою бытность: хмурая, неуютная, с потяжелевшим уже снегом. Я безошибочно нашёл подъезд (если по-питерски, то парадное) и над входом – цифру 54. Зайти я не смог: на двери был кодовый замок. Тогда его не было, а то я бы и код вспомнил, если бы его не сменили. Да

я и не хотел заходить. Убеждён, что и запах в доме не изменился, а зачем мне смотреть на дверь квартиры на четвёртом этаже? Просто для того, чтобы сопоставить ощущение высоты кнопки звонка с тем, какое было почти сорок лет назад? Это ни к чему... Я постоял, оглядел двор, нашёл всё и на своих местах. Единственно – кирпичный мусоросборник, который был для нас чем-то вроде замка, запретной горы, на которую строго-настрого нельзя было забираться, и потайным местом... Теперь вместо него – огороженная площадка с баками для мусора. Но остаток кирпичной стены ещё торчит из снега, как древняя руина... Потом я решил пройти от дома до школы. Мне думалось, что я не найду эту дорогу, так как я её внятно не помнил. Но я прошёл через двор по диагональной тропинке, перешёл через переулок, увидел новое высокое здание, которого раньше точно не было, прошёл мимо него во двор, двинулся дальше по тропинке между деревьями и понял, что иду в школу, как ходил когда-то. Я пришёл, ни разу не сбившись с пути. Школа оказалась недалеко.

Что больше всего меня поразило? Зайду издалека.

Я много раз бывал в местах, которые мне памятливы, которые связаны с моим детством или юностью. В Кемерово мы много раз меняли жильё и всё время жили на окраинах. У меня есть несколько дворов детства. Когда возвращался туда, я находил большие изменения. Я видел, что за той дорогой, которая когда-то опоясывала город, а за ней были видны поля и даже трактора с комбайнами в этих полях, теперь

громоздится не просто микрорайон, а город уходит далеко туда, куда мы даже не решались забредать или заезжать на велосипедах – из опасения столкнуться с деревенскими пацанами. Я видел изменённый до неузнаваемости двор школы, которую закончил, перекрашенную снаружи и изменённую внутри саму школу. Я посетил руины учебного отряда № 1 «Школы оружия» Тихоокеанского флота и взял кирпич с этих руин. Я знаю, что того корабля, на котором служил, давно нет... Я привык встречать на прежних местах либо сильные изменения и новшества, либо руины и забвение. Но, приехав в питерский дворик на Институтском проспекте и дойдя из него до школы, я впервые столкнулся с совершенно другим. Ничего не изменилось! Совсем! Новые дома, которые выросли вместо клубка гаражей или пустырей, – не в счёт. То, что на гастрономе в соседнем доме, куда я часто бегал за хлебом и молоком, теперь вывеска «Супермаркет» – тоже не в счёт. Деревья, которые я помню, не показались мне теперь меньше. Дом как был светло-серым, так и остался. Он не потемнел, не пошёл пятнами, не дал трещин, не осел. Он такой же. Он не показался мне больше или меньше. Двор не показался мне меньше или просторней. Два островка кустов сирени – на прежних местах. В глубине одного у нас были штаб и шалаш. Штаб на месте. Шалаш, видимо, будет летом. Кустов не стало больше или меньше, железная ограда вокруг палисадников вдоль дома та же и покрашена, кажется, теми же красками. В соседнем дворе, за переулком, в том са-

мом дворе, через который я ходил в школу, на прежнем месте большое круглое углубление в земле. Нам говорили, что это – огромная воронка от немецкой авиабомбы. Углубление идеально круглое. На дне – маленький гнилой водоём, в котором мы ловили тритонов и по которому пускали самодельные парусники. Зимой вода покрывалась льдом, и получался маленький каток, пока не выпадал снег. Со всего околотка к воронке сходились дети, чтобы кататься с её склонов на санках. Воронка на месте. Горка на месте. Дети на месте. Правда, я был днём, и их было совсем мало. Но к вечеру их точно должно было собраться много, потому что склоны укатаны большим количеством санок и поп. Мало того, когда я подходил к горке, с неё уводили мальчика, который тянул за верёвку санки «Чук и Гек», в точности такие же, какие были у меня. Их мне подарили родители на Новый, 1976 год. Это была моя мечта – санки с рулём. Такие санки были у детей, что называется, из обеспеченных семей. Но мои родители, аспирант (папа) и молодой специалист (мама), купили их мне. Кажется, ничего ценнее я в жизни своей в подарок не получал... Деревья, между которыми шла тропинка в школу, все на своих местах, ни одно не сломано, ни одно не сгнило. Они стоят всё под тем же углом и, кажется, не выросли даже на сантиметр. В школе и вокруг неё всё прежнее. Сменилась только табличка. И дети во дворе играют и бегают так же. Только теперь они одеты ярче и у них вместо ранцев и портфелей цветные и гораздо более весомые рюкзаки.

Я был потрясён! Я впервые так остро увидел скоротечность жизни. 37 лет! Моя жизнь, в которой так много всего произошло... Для нашей страны сменились эпохи! А здесь ничего не изменилось. Я был готов увидеть любые изменения, в любую сторону. Но не был готов увидеть отсутствие изменений (как уже сказал, новые строения и вывески не в счёт). Вот трансформаторная будка, за которой мы прятались и занимались секретными делами, вот деревья, среди которых мы жгли костры из ящиков, что таскали со двора гастронома, называющегося теперь супермаркетом. Мы старались найти пластиковые бутылки, которые тогда были редкостью, из-под клея или шампуня, потому что напитков в пластиковых бутылках тогда не было. Их здорово было зажечь на костре и носить на палке, чтобы горящий пластик капал маленькими огненными каплями. Эти капли падали на землю со звуком, похожим на падение маленьких авиабомб. Именно здесь, среди этих деревьев, Геша, самый старший в нашей дворовой компании парень (года на два старше меня), случайно или нарочно налил мне горящего пластика на левую руку. Вот эти деревья, а вот маленькие белые шрамы у меня на руке... Вот возле нашего парадного электрощиток. В нашем доме он был только у нашего парадного. За этим щитком я нашёл чей-то клад: в полиэтиленовом пакете были пачка сигарет, перочинный ножик и три рубля. Сигареты я отдал отцу, ножик сразу же куда-то делся, а на три рубля в овощном магазине на всю ватагу мы купили конфет и сухого

киселя в брикетах, который было тогда модно грызть. Всё на месте.

И то, что я это помню, совершенно не значит, что у меня особенная память или что мне это особенным образом дорого. Детство имеет такое свойство: в детстве нет незначительных или второстепенных вещей и событий. И это самый правильный подход к жизни.

Я сфотографировал что-то. Понимаю, что эти фотографии никому, кроме меня, ничего не скажут. Но когда в спектакле «Как я съел собаку» я говорю про тоску мальчика, который один слоняется по двору, а остальных друзей загнали, как этот мальчик с грустью смотрит на окна домов: там его друзья, которых сегодня уже не выпустят... Когда я говорю про дорогу в школу и свет из школьных окон, для меня это — именно эта тропинка, окна именно этих пятиэтажек и та самая школа.

3 марта

Вчера был интересный длинный день. Я целиком и полностью ощутил прелесть жизни в Калининграде – самом западном, отдельном и очень необычном кусочке нашей страны. То, что дальше напишу, будет сказано не для того, чтобы кто-то в Сибири или на Дальнем Востоке позавидовал. Ни в коем случае. Но в то же время приятно рассказать о преимуществах географического положения и образа жизни, которые даёт это географическое положение. Вчера утром с приятелями, двумя семейными парами, сели в автомобиль и съездили пообедать и погулять в Литву, в маленький курортный город Паланга. Выехали в 9.30 утра, вернулись в 8 вечера. Можно было поехать совсем рядом, в Светлогорск или Янтарный, но захотелось немножко большего, захотелось путешествия, которое укладывается в один день. Захотелось других видов.

Через сорок минут мы уже ехали по национальному парку Куршская коса. Для тех, кто не знает, Куршская коса – удивительное место, чудесное творение природы: узкая полоска суши, состоящая в основном из песчаных дюн между Куршским заливом и Балтийским морем, протяжённостью более 100 км. Половина косы принадлежит России, половина – Литве. Ехать по косе приятно, дорога хоть и узкая, но движение на ней не оживлённое, так как за въезд в нацио-

нальный парк нужно платить. Когда-то, чтобы дюны не двигались, коренные жители засадили косу соснами и ольхой. Воздух на косе совершенно особый. И очень много птиц. Через час с небольшим после выезда из дома мы уже были на литовской границе, а через два часа – в Литве. На литовской территории пейзаж резко меняется. Всё гораздо более ухоженное и, что называется, прибалтийское. На территории Калининградской области нельзя увидеть того, что ожидаешь увидеть в Прибалтике: сушащихся вдоль берега залива растянутых на шестах сетей, рыбацких деревянных лодок, стоящих вверх днищем, и аккуратных, скромных, приземистых, длинных рыбацких домиков. Сразу после границы проехали малюсенький городок Нида. В нём долго жил и работал великий и могучий Томас Манн. На льду залива, как пингвины, стайками, а то и целыми колониями чернели дождавшиеся корюшки рыбаки, которые ради этих пахнущих свежим огурцом рыбок готовы каждый год рисковать жизнью на льду залива. Льдины регулярно уносит, потом их с большим трудом разыскивают и снимают с льдин вертолётами, каждый год выходит пугающая статистика гибели рыбаков в холодных водах. Но ничто этих безумцев остановить не может. Там, где коса закончилась, нашу машину принял на себя паром и через неширокий пролив доставил в Клайпеду. От Клайпеды 25 километров хорошей живописной дороги – и мы в Паланге.

Вчера был солнечный день, с порывами сильного холодно-

го ветра. В своей основной курортной части в это время года Паланга похожа на пустующий детский городок для изучения правил уличного движения. Там тихо, безлюдно, аккуратно, чисто, скучно, и, в общем-то, нечего делать: ровно то, чего иногда очень хочется. Ненадолго, на несколько часов. Может, на пару деньков – если допекло.

Погуляли, замёрзли. Пообедали в абсолютно пустом, красивом и тихом ресторане. Съели что-то прибалтийское. Ещё погуляли, поехали обратно. Опять паром. Опять коса. После парома задремал минут на двадцать пять. Проснулся снова возле Нида. В Ниде выпили кофе в маленьком кафе. Рядом с нами ели борщ два литовских полицейских, их машина стояла рядом. Полицейские ели молча и медленно. Мы пили кофе тоже почти безмолвно. Уже очень хотелось домой. Потом зашли в магазин, купили чего-то местного... Сыра, кефира (kefiras). Без малого через два часа приехали домой. Дети встречали радостно, было ощущение возвращения после путешествия. За день у нас были короткие сборы в дорогу, бутерброды и кофе в машине, пересечение границы, путешествие по экзотическим местам Евросоюза, короткая морская прогулка (очень короткая, но с чайками и лёгкой качкой) на пароме, посещение курорта, обед, фотографирование с достопримечательностями, осмотр места жительства великого классика немецкой и мировой литературы, радостное возвращение домой. На всё про всё ушло девять с половиной часов. А до польской границы и до ближайшего поль-

ского города и замков ехать ещё ближе. Всем, кто соберётся побывать в Калининграде, могу порекомендовать это время года и не забыть захватить с собой загранпаспорт. Ну и ещё не полениться совершить путешествие одного дня.

Сегодня птиц не слышно, над Калининградом ясное и изумительно голубое небо. Сильнейший порывистый ветер, в трубе завывает. В доме сквозняки во все стороны. Полчаса назад над домом пронесло тучу, чёрную с одной стороны, а с другой – подсвеченную вечерним солнцем. Туча истерично швырнула на крыши мелким, колючим снегом, а ветер как пригнал её, так же и прогнал. Весна! Весна во всём!

4 марта

Наконец-то завершён монтаж и графическое оформление видеoverсии спектакля «+1». До конца месяца она должна увидеть свет и оказаться в продаже, а главное – поступить к тем людям, которые откликнулись на предложение, озвученное много раньше, чем мы приступили к процессу подготовки самой съёмки спектакля. Если бы не люди, которые заранее, по сути, купили несуществующую видеозапись, ныне существующей не было бы. Просматривал окончательную версию монтажа и титры... В тысячный раз спрашивал себя, всё ли возможное сделано так, как хотелось и задумывалось... И отвечал себе, что всё сделано на пределе возможного. Можно было бы сделать лучше – мы бы сделали. Но мы не знали и не знаем, как сделать лучше. Вопросы к собственному исполнению у меня остались, однако я про них никому не скажу. А ещё могу с радостью и гордостью, но главное – с большой благодарностью сказать, что было немало людей, которые перечислили деньги существенно, многократно большие, чем стоила покупка видеозаписи, и не желая ничего взамен. То есть они давали деньги только для того, чтобы видеозапись осуществилась. И всё. И кто бы сколько ни перечислял, в этом было настоящее доверие, столь редкое нынче, и подлинная помощь. Сам факт этой помощи даёт возможность строить планы, делать новые видеoverсии,

которые никакого дохода не принесут, но доставят радость работы нам и, надеюсь, радость тем, кто захочет их посмотреть.

Вечером последним рейсом вылетаю в Москву. Ужасно не хочется улетать из дома. Сегодня после вчерашнего урагана деревья не шелохнут ни одной веточкой, в небе ни облачка, но и без облаков видно, что синева абсолютно неподвижна. Птицы надрываются как сумасшедшие. Вороны клюют оттаявшие прошлогодние яблоки, которых много по закоулкам дворов. Кстати, вороны, в отличие от зябликов, деловые, но не деятельные. То есть ходят или сидят на крышах и ветках с исключительно деловым видом, при этом если что и делают, то неохотно, вяло, через силу, даже каркают и летают лениво. Умные! Умнее зябликов и скворцов. Знают себе и им цену.

Когда вернусь через две недели, многое изменится. Уже наверняка будут цветочки. Подснежники здесь выстреливают чуть ли не за день. Всё хочу пронаблюдать весну без отрыва от дома. Но буду наблюдать весну в Поволжье. Посмотрю на великую реку под весенним льдом. Ледохода на Волге мне в этот раз не покажут: рано.

Завтра в Москве буду сниматься в студенческой короткометражке, студент ВГИКа предложил. Роль маленькая, фильм крошечный, денег не платят вовсе. Но сценарий забавный. Да и сниматься я люблю. Почему бы не потратить день жизни на надежды начинающего режиссёра. Правда,

жалко этот день отнимать у дома, весны и семьи. Но студенту ВГИКа этот мой день точно нужнее, чем весне.

9 марта первый раз в этом сезоне, да и в последний, сыграем с Игорем Золотовицким спектакль «По По». Очень хочу поиграть с Игорем, а то весь сезон, с сентября, только и делаю на сцене, что прощаюсь с бумагой. Хочу хоть раз в году поздороваться на сцене с другом: почти год на ней не встречались. То-то будет весело...

Вчера утвердил обложку новой книжки дневниковых записей, то есть книги, в которой на бумаге будут напечатаны записи из этого дневника за ушедший год. Это первая книга, в которой слово «жизнь» будет написана с одной буквой «ж», и она очень отличается своим ритмом и своей тональностью от предыдущих моих дневниковых книжек. Её название – «Почти рукописная жизнь». Она выйдет уже весной. Обложка так же сильно будет отличаться от предыдущих, как и содержание.

9 марта

Очень непростые дни в Москве. Сегодня будет сыгран четвёртый подряд спектакль. Вообще, Москва, когда я провожу в ней больше трёх дней, становится непосильной ношей. Тяжело и глубоко переживаю нелепую гибель Андрюши Панина. Мы с ним знакомы без малого тридцать лет: ещё в Кемерово, в университете, делали совместные номера пантомимы. Мы же земляки... Но о нём я напишу отдельно, пока ещё не могу найти нужных слов.

Сегодня многие информагентства сообщают об отравлении людей в ресторане «Нома» в Копенгагене. Надо же! Всё-таки эта противоречащая здравому смыслу и всему человеческому профанация дошла до своего логического завершения. Если помните, я писал про этот ресторан... Не мог не отреагировать на эти новости. Я же понимаю: так много отравившихся случилось оттого, что все посетители ели одно и то же и даже несмотря на то, что им, возможно, не нравилось, продолжали есть, зомбированные мишленовскими звёздами и авторитетом международных гастрономических премий. Когда писал о «Нома», я назвал его гастрономическим гестапо. Теперь, думаю, в этом смогли убедиться все. Извращение самой идеи еды и трапезы, которое происходит в этих высокобуржуазных ресторанах, наконец-то показало подлинную сущность. А те, кто отравился... Среди них вряд

ли были случайные посетители. Это всё были богатые гурманы, ищущие в своей скучной жизни особых впечатлений. Теперь им точно будет что вспомнить.

22 марта

Вернулся домой из Поволжья. В Поволжье везде холодно. В феврале, говорят, было намного теплее. Снег преследует меня везде. И в Пензе шёл снег, и Саратов снегом встретил и снегом проводил, и даже в Волгограде, где снега вроде бы не было и нет его вдоль дорог и во дворах многоэтажек, всё равно было холодно, а ночью после спектакля пролетели вместе с городской пылью снежинки, немногим крупнее самой этой пыли. Вернулся в Калининград в снегопад. Сегодня 22 марта, и холодно так, как не было в январе. А 22 марта, как мне напомнили, это день Сорока мучеников. В этот день должны прилетать скворцы. Бедолаги! Если они уже прилетели в центральную и средние полосы, то пришлось и придётся им помёрзнуть. У нас-то они давно. Но что-то ни вчера, ни сегодня их не видать. Попрытались. Вот только куда? Оба наших скворечника пустуют. Холодная весна.

Песня «Холодная весна» – это, пожалуй, лучшее, что было в фильме «Бой с тенью». А ещё в том фильме, как всегда точно, сыграл негодяя Андрей Панин... Он гениально играл подонков.

Мы никогда не были с Андреем ни друзьями, ни даже приятелями. Но знаком я был с ним так долго, как мало кто. Мы познакомились почти тридцать лет назад в университете. Тогда Андрей был легендой кемеровского университет-

ского театра «Встреча» и руководил университетской студией пантомимы «Пластилин». Я же занимался в другой, конкурирующей студии. Та студия, в которую ходил я, исповедовала скрупулёзное занятие классической техникой и самоотверженное самоистязание тренингами. У Андрея же в студии было весело, шумно, многолюдно, и к нему в студию в очередь стояли красивые студентки. Его подопечные ничего особенного продемонстрировать не могли. Концертные номера выдавали редко, и те были слабенькие. Так что мы с высоты своей аскезы посматривали на них с ухмылкой. Но сам Андрей был невероятно притягателен и пластичен. Я даже не могу сказать, что техничен. Он просто был человеком без суставов. Мне казалось, что он мог вытягивать и сокращать руки и ноги. А лицо его было столь подвижным, что казалось резиновым. Он был невероятно одарён в смысле пластики и какого-то физического комизма. На него было весело смотреть, даже если он ничего смешного не делал. Не думаю, что он мог хоть чему-то научить, потому что как можно передать свой уникальный природный дар? Те же, кто его видел хоть раз на сцене театра «Встреча» в спектакле «Альпийская баллада», не забудут этого никогда. Только однажды мы вместе участвовали в одном номере. Хотя я и занимался в другой студии, но учился в университете, поэтому был привлечён. Как раз техника у меня была отменная. Мы с Андреем солировали. Но отчётливо помню, что на меня и внимания-то не обращали. Настолько я был занят точным исполнением

рисунка и композиции, а он, наоборот, был свободен, ярки и, что называется, щедр на то, что любит публика. Он, в отличие от меня, к тому моменту уже прекрасно знал, что она любит. Он долго и упорно ездил поступать в Школу-студию МХАТ и раз за разом возвращался. Я представить себе не мог, как он мог туда поступать. И как он мог хоть что-то играть на сцене. Когда он говорил вне сцены, его почти никто не мог понять, такая у него была каша во рту. Но на сцене он смотрелся мощно! Он был невероятно сильным физически. Пантомима для него была так – средство к существованию, должность руководителя студии и социальный статус... Я совсем не разбираюсь в боевых искусствах, но Андрей занимался какими-то из них очень серьёзно, долго и был выдающимся образом оснащённым в этом смысле человеком. Он был боец в прямом смысле этого слова. Он сыграл в нашем новейшем кинематографе за последние пятнадцать лет самых запоминающихся и выразительных подонков. Подонки ему удавались с такой документальной точностью и убедительностью, как никому. Только хорошо, а точнее, глубоко знающий жизнь и ужасы тьмы человеческой природы мог так сыграть. Ни один актёр, который сразу поступил в театральное учебное заведение и дальше жил исключительно артистической жизнью, не смог и не сможет даже близко подойти к той подлинности, которую демонстрировал на экране Андрей. А ещё он был первым исполнителем роли Первого солдата в первой постановке моей пьесы «Зима». Удивительно,

как ему удалось почти в сорок лет сыграть человека с юным и бесхитростным сознанием: никогда не повзрослевшего, довольно дерзкого, дворового сибирского паренька. Смышлёного, но не умного. Шустрого, но бесхитростного. Он, как всегда, был детальным и точным. Мы были знакомы почти тридцать лет. Целую жизнь. Во многом именно его пример сложного и упорного прорыва в профессию меня убеждал и настраивал на решительные шаги. Я всегда гордился и с удовольствием подчёркивал, а то и хвастал знакомством с ним. Он, конечно, был всенародным артистом. И тот факт, что мы с ним знакомы и земляки, часто располагал ко мне не знающих моих заслуг людей. Не могу осознать и свыкнуться с тем, что Андрея больше нет. Я привык за долгие годы, что он есть и что от него всегда можно ждать интересной и точной роли, образа... Он точнее многих смог транслировать девяностые годы на экран и на сцену. Именно в его ролях человек конца девяностых и нулевых зафиксировался. Невозможно переоценить утрату. А как можно оценить роли, которые он не исполнит в том новом возрасте, в который только-только входил?.. Он ушёл из жизни таинственно и страшно, как человек девяностых. Горюю!

Пока ездил по Поволжью, у меня во дворе спилили и выкорчевали грецкий орех. Он рос ещё с довоенных времён. Последние годы он болел, и что бы мы ни делали, никакое лечение не помогало. Каждую весну всё меньше веток покры-

валось листьями, а кора возле земли стала трескаться и отслаиваться. Прошлого лето он простоял почти голый и дал совсем мало орехов. А главное – он выглядел как сильно больной, даже зимой. Специалисты сказали, что спасти его невозможно. Пришлось срубить и выкорчевать. Сейчас на его месте большая круглая яма в мёрзлой земле. Яма, особенно вечером, кажется совсем чёрной и глубокой. Бездонной. А за окном нет привычных веток. И ворон нету, которые любили на нём сидеть, а осенью составляли нам серьёзную конкуренцию в сборе орехов. Хоть дерево и было больным, а приговор ботаников окончательным... Но команду на вырубку отдавал я. Муторно и тяжело от этого: сажал-то не я. Да и сколько поколений людей выросли или прожили много лет рядом с этим деревом... Сегодня выбрали в питомнике дуб, который займёт место грецкого ореха. Как только потеплеет, станет возможно, его пересадят. Будем привыкать к нему. Надеюсь, вороны оценят наш выбор. А как они относятся к желудям, я не знаю. Посмотрим. Возможно, к новому дереву прилетят какие-то другие птицы. Но прежнего уже не будет. А дыра во дворе пока зияет.

25 марта

Завтра снова в дорогу. Ждёт Урал и немножко Западной Сибири. На удивление, там сейчас теплее, чем здесь. Но про погоду писать не хочется. Особенно про снег. Даже для Сибири то, что сейчас происходит в Москве и Киеве, – это чересчур! Хочется уже сказать кому-то, от кого хоть что-то зависит в погоде: «Вы меня простите, конечно, я не вправе критиковать и уж тем более осуждать ваши действия, но хотел бы вам напомнить о чувстве меры! Спектакль под названием «Зима» уж очень затянулся. Особенно затянут последний акт. И хотелось бы вам намекнуть, что антракт уже никого не устроит. Нам нужен вполне внятный и оптимистический финал. Боюсь, что высказываю общее мнение».

Скорее всего, в переездах по Уралу и Сибири попаду в плохую погоду. А проехать придётся немало: Уфу, Челябинск, Екатеринбург, Тюмень, Омск – в основном на машине. Люблю эти города, но застаю их сейчас в самом неприглядном весеннем состоянии, в потоках талой грязной воды, в лужах и в грудах чёрного снега. И всё равно жду гастролей с удовольствием. Всё-таки на Урале и в Сибири, какая бы погода ни случилась, чувствую себя, что называется, совершенно в своей тарелке. Мне понятен и знаком пейзаж между городами, мне знакомы и понятны сами города. А вот от поездки по Поволжью, кроме Казани, осталось печальное,

грустное впечатление. Не от встреч со зрителями, а от общего настроения и от переездов.

В Ульяновск лучше ехать не из Казани, а из Саранска. Тогда не так бросается в глаза общая, заметная во всём отсталость города и региона. Как только въезжаешь из Татарстана в Ульяновскую губернию, это чувствуется очень и сразу.

Я дремал, а как только въехали на ульяновскую землю, проснулся: машину стало трясти, и спать было уже невозможно. Но самая печальная дорога – это путь из Саратова в Волгоград. Четыреста километров тоски! В Саратовской губернии, несмотря на отвратительную дорогу, можно хоть смотреть по сторонам. Небольшие холмики, деревья, деревни. А потом деревья становятся всё реже и ниже ростом, начинается холмистая степь жёлто-коричневого цвета, высокое синее небо над всем этим... И вроде это должно быть красиво. Вроде бы простор. Но весь этот простор вдоль дороги и до горизонта замусорен до невозможности, изгажен, испорчен и изуродован. Как только в пейзаже попадаете хоть какая-то постройка, эта постройка обязательно безобразна, если не сказать отвратительна. Если нет постройки, то брошена какая-нибудь бочка, что-то перерыто, перекопано, сожжено или распахано так, что больно смотреть. Подъезд к городу Камышин производит впечатление ужасающее. Непонятно, в каком времени ты находишься. Попадаешь в смесь всех самых худших времён... Целыми кусками отсутствует асфальтовое покрытие: его просто смыло, а это, на секундочку,

федеральная трасса. Машина, на которой мы ехали, постоянно цепляла брюхом раскисшую глину. О том, что мы не в 1985 году, напоминали только ползущие впереди, сзади и навстречу большие иностранные грузовики и так же, по брюхо, утопающие в бездорожье иномарки... Да по бокам дороги, как в прежние времена, месили глину трактора и грейдеры. Но не белорусского производства, американские. Однако результат был тот же самый. Вдоль, с позволения сказать, дороги, а точнее – вдоль грязного потока, в котором, как рыбы в пересохшем болоте, копошился автотранспорт, стояли и стоят невообразимого вида постройки, сделанные непонятно из чего. Такое ощущение, что люди собирали по помойкам фанеру и досточки, воровали отходы мебельного производства и искали по берегам Волги выброшенные брёвна. Из этого они сделали какие-то прилавки, на которых разложена и за которым развешена сушёная, вяленая и прочая рыба. Среди прилавков мелькают яркие надписи: мотель, ночлег, душ, бильярд, гостиница, спальные места и прочее. А также кафе «У Ашота», «Шашлыки у Арама», ресторан «Дагестан» или «Кафе 05» (Дагестан – 05 регион) и так далее. В одном месте на одной из хибар я прочёл странное название: «AVTOZAPТCHASTI». На кого рассчитана надпись, для меня загадка. Наверное, на интуристов...

Вдоль поволжских дорог, да и не только вдоль поволжских – просто в Поволжье это особенно заметно – можно увидеть много воплощений представления армян о красивой

архитектуре. Дагестанские архитекторы и дизайнеры не так изобретательны. Я постоянно удивляюсь тому, что древнейшая, глубочайшая армянская культура преломилась в нынешних её носителях в какие-то немыслимые формы. В гостинице или в ресторане, принадлежащем армянам, сразу видно, кому эта гостиница или ресторан принадлежит. Они добились невероятных успехов в развитии понятия дешёвая роскошь. Такого количества колонн, больших и малых, лепных украшений и завитков, которыми армянские зодчие украсили наши предместья и города, не создали за долгие века греки и римляне. Те люди, которые прилетят в Волгоград на чемпионат мира в 2018 году, особенно если они прилетят из-за границы, в дороге от аэропорта до города насмотрятся таких чудес в области частного домостроения и доморощенной архитектуры, что у них создастся непредсказуемое впечатление о России в целом... И хотелось бы над этим остроумно пошутить и поиронизировать. Поумиляться хотелось бы. Повосторгаться в гоголевском стиле... Но что-то не получается. Глаза хочется помыть после того, как видишь то, как изуродован пейзаж, во что превращаются города в отсутствие воли городских архитекторов, которые позволяют пошлости и кошмару быть зафиксированными в камне и бетоне. Армян в этом смысле даже не хочется осуждать и ругать: они воплощают свои представления о красоте.

Скорее бы уже стало тепло по-настоящему. Неизбежно из-

менится настроение. Что бы ни происходило в стране, с каким бы отчаянием и безнадёжными прогнозами я ни сталкивался, как бы ни впитывал в себя апатию, переходящую в тоску по поводу того, что происходит на Родине – отчаяние исходит практически от всех, с кем общаюсь, – как только станет тепло, как только появится зелёная дымка на деревьях, неизбежно станет радостнее.

11 апреля

Вчера, едва живой, добрался до дома. Что же такое случилось в этом году? Весна к нам всё никак не придёт. Я такой, с позволения сказать, весны не припомню: такой не было. Везде, где был за последние две недели, – только холодный ветер, тяжёлое небо, короткие припадки снегопадов и полное несоответствие тому, что написано в календаре. Вчера прилетел в Калининград – а тут холоднее, чем в Москве. И никакого намёка на привычную весну, которая должна царить в середине апреля. Чёрт знает что...

По дороге из Тюмени в Омск захворал. Пришлось этот путь преодолеть поездом, а я всегда болеваю в поезде. Но на машине ехать из Тюмени в Омск не реально. Не только расстояние изрядное, но и трасса в ужасающем состоянии и очень загружена. Да к тому же этой весной уж очень резко прохудились дороги. Если кто-то мало передвигается по стране или передвигается только из города в город при помощи самолёта, – не верьте новостям и любой информации о том, что дороги ремонтируются, строятся, улучшаются. Не верьте, что дороги стали лучше. Стоит проехать из Ижевска в Киров или из Саратова в Самару – не по просёлочным дорогам, а по трассам федерального значения, – и вы всё узнаете, что называется, из первых рук. Или поездите сейчас по улицам Омска... Причём в Омске не самые худшие дороги

в стране.

В общем, пришлось ехать поездом, чего я стараюсь не делать, потому что обязательно простываю. В этот раз ехали семь с половиной часов. Казалось бы, немного и днём. Но за это время в вагоне, отапливаемом так же, как при царе Горохе, – титаном, стало несколько раз невыносимо жарко, а потом довольно резко очень свежо. Вот и пришлось в Омске играть спектакль с высокой температурой. Да ещё нервный получился спектакль в Тюмени. До сих пор пребываю в сомнениях и переживаниях о том, был ли прав, насколько был прав и нужно ли было доводить ситуацию до того, что случилось. О том, что случилось, постараюсь рассказать завтра. В целом могу констатировать, что весна совершенно необходима. Общие настроения в городах невесёлые, утомлённые и подавленные. Все без исключения устали от грязи, слякоти и затянувшейся межсезонной серости. Устали от тёплой одежды, которую всё никак не удаётся упрятать подальше до осени, устали от бесполезности мыть машину и чистить обувь. Хочется уже зелени и солнца в дневную палитру. Хочется птиц в звуковую гамму и городской пейзаж. Но завтра День космонавтики. Любимый праздник с самого детства. И сколько себя помню, в этот день, где бы я ни был, была хорошая погода.

12 апреля

Весь День космонавтики в Калининграде льёт дождик. Серый, тихий, но тёплый. Он съел остатки снега во дворе и прямо на глазах топит лёд на озере. Радости от дождя и от зрелища за окном мало. Всё сильно запоздалое всегда вызывает досаду и даже претензии: мол, где ты раньше был? По радио услышал печальную информацию о том, что многие прилетевшие с юга на Балтику птицы, столкнувшись с небывало холодной весной, были сбиты с толку и улетели обратно. Оба скворечника на яблоне пустыют, и в городе тихо, по-плохому тихо. Нужна дружная, мощная и неотвратимая весна. Нужна немедленно... А День космонавтики – всё равно хороший день! Приятно вспоминать Гагарина. Он был бесспорным героем.

Хочу рассказать об эпизоде, который случился во время спектакля в Тюмени и по поводу которого я не могу успокоиться и продолжаю сомневаться. Во время спектакля я сделал весьма внушительное и эмоциональное замечание сильно опоздавшей молодой зрительнице, а через какое-то время попросил её покинуть зал. Проще говоря, выгнал её из зала. Постараюсь рассказать о том, как это выглядело, исключительно со своей стороны, потому что другим взглядом не обладаю. Мне не раз доводилось, точнее, приходилось тре-

бовать ухода зрителей из зала. Каждый раз это сильное переживание и удар по впечатлению от спектакля. После таких ситуаций всегда сложно вернуть внимание зрителей и восстановить цельность художественного восприятия. Я выгонял пьяных зрителей, такое случалось нечасто, но десятка два случаев за двенадцать лет было. Пьяный зритель вычисляется быстро, как правило, в самом начале спектакля, и уходит обычно после первой-второй просьбы, чувствуя свою вину и неуместность. Пьяный зритель на спектакле – это, как правило, случайный человек, кем-то приведённый или к которому билет попал не по его воле. Бывали мною изгнаны наглецы, которые приходили на спектакль с целью демонстрации мне неких своих претензий. В этом случае человек приходил не посмотреть спектакль, а для того, чтобы самому выступить. Такие люди исполняют свою задачу, выступают, получают с моей стороны жёсткий отпор и, не поддержанные залом, быстро удаляются. Бывали и другие случаи, которые не берусь классифицировать. Труднее всего просить выйти из зала людей с маленькими детьми. Люди приходят в театр с детьми в надежде, что ребёнок поспит и даст родителям возможность посмотреть спектакль. Но маленькие дети непредсказуемы. Точнее, они предсказуемо не выдержат два часа в неподвижном и неудобном состоянии. Слышать мучения ребёнка в тёмном зрительном зале невозможно, и я прошу родителей унести его. На такой случай у нас всегда заготовлен DVD в подарок и, возможно, пара книжек с

автографом. Перед каждым спектаклем мы инструктируем работников театров, чтобы они не пускали родителей с маленькими детьми, возвращали им деньги за билеты, но не мучили детей, остальных зрителей и меня. Я же понимаю, что ребёнку лет до десяти в моих спектаклях вообще не найти ничего интересного. Но дети после пяти-шести лет могут быть такими, что с ними можно договориться. Однако я не рад видеть даже дисциплинированных детей младше десяти на своих спектаклях, потому что вижу, как они мучаются скукой и тоской. А ещё в этот момент у детей появляется и укрепляется стойкое чувство нелюбви к театру.

Я очень не люблю, когда зрители опаздывают на спектакли. Не люблю не потому, что это задевает и оскорбляет мои чувства и я в этом усматриваю неуважение к себе. Я не терплю этого потому, что спектакль – это цельное произведение, которое нужно смотреть целиком от начала и до конца, по возможности не отвлекаясь и не прерываясь. Но от начала и до конца обязательно! У спектакля есть точная, продуманная, тщательно разработанная композиция, и я отчётливо понимаю, что если пропустить начало, понять спектакль и получить от него цельное впечатление невозможно. Спектакль – это не набор миниатюр, сцен и шуток, к которым так привыкли сейчас многие. Спектакль – это монолитное, как живой организм, целое существо. Время начала спектаклей по всей стране, в основном, 19.00. Это абсолютно устаревшие и несоответствующие сегодняшнему времени традиции

и правило. Я понимаю, что в будний день работающий человек, живущий в городе – а сейчас во всех городах пробки, – не может позволить себе пойти на спектакль в семь часов, не договариваясь с руководством, не бросая рабочее место или не идя на целый ряд ухищрений. А мне хочется играть именно для тех людей, которые работают, то есть для людей, активно живущих. Бездельники мне не интересны. И я знаю наверняка, что я не интересен бездельникам. По этой причине я играю в Москве в 21.00, а в других городах стараюсь играть в 20.00. Но очень редкие директора театров идут навстречу, не желая сделать посещение театра более удобным для своих земляков. Зная сложности, с которыми сталкивается зритель на пути в театр, я всегда задерживаю спектакль на десять минут, так что третий звонок всегда звучит с задержкой. После третьего звонка я семь – десять минут говорю вступительное слово, позволяя всем опоздавшим пройти на свои места, выдохнуть, успокоить сердцебиение и волнение, которые всегда сопровождают страх опоздать и поцеловать закрытую дверь. Так что фактически спектакль начинается минут на семнадцать-двадцать позже времени, заявленного в афише. Я очень хочу, чтобы все, кто купил билет, пришли и заняли своё место. Однако после начала спектакля я против опоздавших и хождения в зале. Против категорически.

За те двенадцать лет, которые нахожусь на сцене, я наблюдаю то, что строгость, присущая театру как особой культур-

ной территории, утрачивается. Требования к публике сильно понизились, и люди просто не знают тех правил поведения, которые были свойственны и присущи таким местам, как театр, музей или читальный зал хорошей библиотеки. Я довольно строго не позволяю пользоваться мобильными телефонами, борюсь с чтением и отправкой эсэмэс-сообщений и вообще заглядыванием в гаджеты во время спектакля. Я борюсь с опозданиями. Не могу сказать, что прилагаю очень большие усилия. Зрители, которые приходят ко мне, чаще всего знают о моей в этом смысле неуживчивости. Но то, что мне приходится видеть и слышать в зрительных залах при посещении даже знаменитых театров и спектаклей, – просто беда. Беда!

В Тюмени спектакль начинался в 20.00. Третий звонок прозвенел в двенадцать минут девятого, спектакль фактически я начал в 20.20. Театр в Тюмени свежестроенный, удобный, с комфортными современными зрительскими местами. Мало в стране таких театров. По проходам в ступени встроены лампочки, похожие на те, что есть в проходах самолётов или автобусов. Так что обстановка в зале мне была хорошо видна со сцены. Публика в Тюмени мне знакома, хороша, своя. К началу спектакля я всех усадил, и ничто ничего не предвещало. Однако после было несколько и подряд телефонных звонков, на которые я не особенно стал обращать внимание, но они всем портят настроение. Когда трезвонят мобильные телефоны, людям неудобно за своих

земляков, за свой город, за свой театр, за себя. Но постепенно и при явной поддержке публики мне удалось собрать атмосферу. Вступление в спектакль было исполнено, и пошла самая лирическая и тонкая его часть, связанная с сокровенным: с темой сохранившейся записки, которую я написал в день рождения своей первой дочери. На часах было 20:44, я уже отыграл около четверти спектакля, как в зал, сопровождаемая работницей театра, к своему месту прошла молодая женщина, или, можно сказать, девица. Длинные волосы, тонкий красный свитер под горло, кажется, тёмные брюки, кажется, хороша собой. Она шла совершенно не смущённая, уверенная, весёлая, шла на своё место на второй ряд строго посередине зала. То есть прямо напротив меня. Она шла так, как ходят тинейджеры в кинотеатре за попкорном. То есть не сомневалась в том, что то, что она делает, – нормально. А когда я сделал ей замечание, она, весело и очаровательно улыбаясь, сказала «извините». Я же сказал, что не принимаю её извинений и не извиняю её. Дальше я довольно подробно объяснил ей, почему не принимаю извинений и почему не хочу, чтобы она смотрела дальше спектакль, который без пропущенного ею у неё нет никаких шансов понять. Я также объяснил, что не только у неё, ни у кого вообще нет такого шанса, если он пропустил существенную часть спектакля. Её явно ждал парень, который очень хорошо смотрел спектакль и был на месте вовремя. Я решил оставить барышню в покое и продолжил спектакль. Я вернул прежнюю атмосферу. Вер-

нул опять же при поддержке зрительного зала и старался не смотреть туда, где сидит опоздавшая девица. Но минут через сорок, так уж случилось, мой взгляд упал именно на неё... И я увидел её, сидящую, совершенно отрешённую, рассматривающую что-то у себя на коленях с кислым и неприязненным выражением лица. В этот момент я тоже говорил о чём-то важном, для меня важном, о чём-то очень мне дорогом. Я прервался и вновь обратился к ней с просьбой покинуть зал, потому что я не могу дальше работать... потому что она мне мешает, демонстрирует мне всячески своё пренебрежение и неудовольствие, и её присутствие в зале противоречит моему представлению о том, что можно в театре, а чего нельзя. Я сказал также, что не хочу в её присутствии говорить о том, что мне дорого, и о том, что для меня является сокровенным. Она не сразу поняла, что я обращаюсь к ней. Но когда поняла, они с парнем встали и ушли. После этого было сложно закончить спектакль так, как он задумывался. Финал спектакля получился гораздо более эмоциональным, даже трагическим. После спектакля я получил много записок с извинениями. Те, кто подошёл за автографом, также извинялись. А я ощущал страшную усталость и какое-то полное несчастье.

Казалось бы, ну что произошло? Какая-то девочка сильно опоздала. Может быть, девочке неинтересна была тема прощения с бумагой, может быть, она и не хотела это смотреть, а парень позвал. А может, она испытывала любопытство к

моей персоне, и ей было интересно на меня посмотреть, но теперь этого интереса никогда не будет. Может, у неё что-то стряслось... Да мало ли! А на всё это у меня есть вполне внятные ответы: так опаздывать в театр нельзя. На самолёт же так не опаздывают. Если опоздала, сядь тихонечко где-нибудь с краю, чтобы никому не мешать и не отвлекать внимание. А лучше, если знаешь, что опоздаешь, вообще не ходить: спектакль или хорошее кино нужно смотреть от начала и до конца. И т. д., и т. д., и т. д.

Почему же я так отреагировал? Почему продолжаю об этом думать? Да потому, что наблюдаю: совершенно не стыдно сейчас не выключать телефоны, опаздывать, не стыдно быть в театре одетым повседневно и по-рабочему... Но гораздо страшнее другое: не стыдно ничего не понять и даже не пытаться понимать! Не стыдно смотреть и слушать что-то, не желая постичь и углубиться в смысл, услышать некое послание, которое исходит из книги, с экрана или со сцены. Не стыдно даже не иметь желания что-то понять и услышать. Я понимаю: то, что я таким сильным, неадекватно сильным образом наказал и попытался вразумить эту девочку, должны были до этого не так масштабно сделать родители, учителя, преподаватели вуза, друзья, её парень... А я сделал это резко, размашисто и наверняка никакого понимания не добился, а добился только раздражения и обиды.

Я не мог не отреагировать, но что-то надо было сделать иначе. А что? Я не знаю. Единственно, на чём буду настаивать...

вать: чтобы в театрах, где работаю, ещё жёстче соблюдались правила, и опоздавших к началу спектакля – не к третьему звонку, а к началу спектакля – всё-таки не пускали. Но если опять столкнусь с нежеланием слышать, понимать и чувствовать, я не смогу промолчать и доиграть спектакль как ни в чём не бывало. Для меня театр по-прежнему остаётся территорией культуры, которую я люблю и которой я служу. Той территорией, которая создана не мной и на которую меня пустили для её сохранения и приумножения.

Жаль, что это произошло. Лучше бы девочка пришла вовремя на спектакль и не попалась мне на глаза, или посидела со своим парнем в хорошем кафе, или пошла бы с ним на хороший или не очень хороший фильм... Но чтобы ей понравилось.

А дождь всё идёт и идёт.

14 апреля

Вчера, 13 апреля, в субботу, наконец-то включилась весна! Резко, мощно, убедительно. Так, как я и хотел. Так, как все мы хотели. Весна будто выскочила на сцену в какой-то затянувшейся, утомительной и бессмысленной пьесе, когда уже весь зрительный зал погрузился в безнадежную скуку и дремоту. Ура весне!

Вчера утром видел, как набух бутон, и к часу дня распустился нежнейший крокус. Прямо на глазах! Воздух моментально прогрелся, и всё наполнилось откровенными и очень сильными запахами, в которых главным был запах ожившей земли, со всеми сухими и пробивающимися травинками, прошлогодними листиками, оттаявшими дождевыми червями... Откуда ни возьмись появились пчелы. Они летали в поисках растений и пока ничего не находили, кроме единственного крокуса, но уже самого солнца, тепла и запахов им было достаточно для первого в этом году дня полётов.

Настроение сразу изменилось. Как зависимы мы от солнца, света или его отсутствия! Я рад этой зависимости.

Вчера прилетела и сегодня уже отправилась обратно в Москву Аня Матисон. Мы затеяли новую пьесу и начали над ней работу. С выхода «Сатисфакции» мы не работали вме-

сте. Только немного – над видеовеерсией последнего концерта с «Бигуди». У неё было много дел. Она снимала цикл документальных фильмов о Валерии Гергиеве и его оркестре и глубочайшим образом погрузилась в эту тему. А теперь мы решили снова написать пьесу. Какое же счастье иногда поработать с соавтором, а то всё один да один.

Поработали эффективно и весело. Разработали композицию и систему персонажей. Дали всем персонажам имена. Помимо этого, не без смеха пофантазировали о том, кто мог бы этих персонажей сыграть. Произвели так называемый кастинг. То-то бы удивились актёры, узнав, что они, по сути, уже назначены на роль.

А вчерашний день закончился идеальным, светлым вечерним, тёплым дождём. Недолгим. Таким, от которого вечерние запахи только усиливаются. Будто весна решила произвести лёгкую влажную уборку. Прекрасный был день! Может, лучший в этом году. За окном и во дворе было хорошо, красиво и радостно. Сидя у этого окна, мы сделали хорошую работу. Дети не докучали, а наоборот, весело занимались своими делами. Вкусен был чай, содержательны разговоры. Чудный день!

Воскресенье выдалось чуть прохладней, не таким ярким и выразительным. Но в небе сегодня довольно много птичьих стай и косяков. Гомон снова воцарился в деревьях и над озером. Утки режут тёмную воду быстрее и активнее обычно-

го. Лёд полностью растаял, и у них появился оперативный простор. Худые, громкие, но радостные утки. Весна всё-таки прекрасна, необходима и спасительна. Ощущаю это на себе в полной мере. Вчера и сегодня.

16 апреля

Теперь ночь. Утром поеду в аэропорт, чтобы через Москву улететь в Днепропетровск. Впереди гастролы по Украине. Собрана сумка: шестнадцать свежих рубашек и поло, три пары брюк, необходимое бельё. С верхней одеждой сложности. Непонятно, какая будет погода. Возьму два варианта, в надежде, конечно же, на тепло.

Дописал и выслал в Тбилиси Гиги текст для новой песни. Долго бился над этим маленьким текстом: он всё не складывался. Но до отъезда надо было обязательно закончить. 23–24 апреля нам предстоит встреча в Киеве, где мы сможем записать ещё две песни, и наш альбом будет почти готов. Это очень радостно. А ещё радостно планировать на июнь наш большой совместный концерт в Москве. И в июле нас пригласили выступить в саду «Эрмитаж» в рамках фестиваля. Буду снова на сценах, на которых был с «Бигуди». Уверен, будет почти та же публика. Вот только музыка, звучание, голоса и люди на сцене, кроме меня, будут другие. Молодые. Совсем с другим посылом и музыкой. Даже сердце замирает от радости, как подумаю об этом. Наше расставание с «Бигуди» было настолько осозанным, добрым и необходимым для общего дальнейшего развития, что по этому поводу нет ни сожалений, ни сомнений, ни горьких воспоминаний. Наоборот – только удовлетворение и тепло.

В предстоящем туре, кроме Днепропетровска, побываю ещё в Запорожье, Одессе, Львове, Киеве, Луганске и Ростове (помню, что Ростов – это уже Россия). В Луганске буду в первый раз. Новый для меня город. Там давно ждут. Вот только всё не удавалось доехать, или организаторы никак не решались. Но в этот раз всё назначено, намечено, и очень хочется новых знакомств и разнообразных открытий, в том числе географических. Из Луганска поеду в Ростов на машине. Там недалеко. Впервые пересеку украинско-российскую границу при помощи автомобиля. Потом расскажу, насколько она отличается от российско-литовской или российско-польской. Давно не был во Львове. Еду туда во многом благодаря собственной настойчивости. Мне говорили, что в последнее время туда мало приезжает спектаклей и проходит всё не особенно активно. Город особенный. Красивый, можно сказать, прекрасный, но особенный. Поэтому мне так хочется исполнить там то, что до сих пор привезти не удавалось. Пауза затянулась. А я помню львовскую публику как прекрасную, очень театральную и весьма изголодавшуюся по свежему театру. Соскучился я и по городу, по той особой атмосфере, которую помню во львовском театре.

С удовольствием еду на эти гастроли. В Украине гастроли проходят комфортнее, в смысле передвижений и бытовых условий. Страна компактная, климат хороший, дороги лучше. В театрах обычно беднее, чем у нас, но поприбранней, почище.

Все в доме сейчас спят. Тихо. Не хочется уезжать. Сегодня прошлись по саду граблями... Вспомнился детский сад, когда в первые тёплые дни нас выпускали, и мы, вооружившись кто грабелями, кто совочками, кто лопатками, что-то изо всех сил ковыряли и рыли с азартом терьеров. Как же сильно тогда пахло землёй! Сейчас так же пахнет, но наши носы тогда были сильно ближе к этой самой земле, да и обоняние было острее.

Ещё совсем нет травы, но крокусы, подснежники и нарциссы порасцвели. Вот-вот выстрелят тюльпаны. Да и почки на деревьях лопнут на днях. Вернусь уже в зелёную дымку, которая в этом году так запоздала. Надеюсь, украинские просторы уже зазеленели. Завтра проверю.

11 мая

К своему стыду, не исполнил обещание написать об украинских гастролях и впечатлениях. А впечатлений было много. И ярких! Но этот должок за мной. Сейчас пролётом в столице. Утром лечу в Красноярск, потом Иркутск, Хабаровск и Владивосток. Во Владивостоке проеду по мосту на Русский остров. Для меня это будет большое событие. Сегодня звонил мне ректор Дальневосточного университета, который теперь на Русском острове, любезно пригласил выступить перед студентами. Я пообещал. Это тоже будет событие. Мои жизненные университеты во многом начались именно там, совсем неподалёку от нового университетского городка. Но это были совсем другие университеты.

За то время, пока не писал, в нашем садике возле дома вновь посаженные дуб и клён вроде бы прижились и дали листву. Скворечники опять остались без жильцов. Сирень зацветёт и отцветёт без меня: вернусь домой только 27 мая, в день, когда старшая, Наташа, будет сдавать первый свой ЕГЭ по русскому языку. Сплошные волнения и тревоги!

9 мая, День Победы, встретил и тихонечко отметил в очень символическом месте. В Мюнхене. В самом логове... Причём почти весь день провёл в зоопарке. Не отрываясь,

долго смотрел на молодых горилл, а потом на юных орангутангов. Божественное, я вам скажу, зрелище.

Три дня провёл у величественного и какого-то фундаментально солидного озера под названием Штарнбергер-Зе. Это самое глубокое озеро в Германии. В нём когда-то не без посторонней помощи утонул баварский король Людвиг Второй. Тот самый, который построил знаменитый замок, который обожал Вагнера и прожил странную, полную красоты и трагедий жизнь. Красиво в этих местах, даже чересчур красиво. Музыка Вагнера такая же.

Обещаю написать о своих украинских впечатлениях и о тех, которые меня ждут в Сибири и на Дальнем Востоке, когда вернусь. У меня будет ещё перерыв перед последним в этом сезоне заездом по ближнему к Москве кругу городов. А уж летом намерен основательно покопаться в воспоминаниях и впечатлениях за прошедший гастрольный сезон.

С гордостью, радостью и огромным удовлетворением сообщаю, что уже почти месяц назад собраны все средства, которые были необходимы для выпуска видеoverсии спектакля «+1». Люди, которые доверились всему коллективу и мне и перечислили деньги, сделали возможным не только появление видеoverсии, но и придали нам уверенности в том, что так работать можно. Теперь мы совершенно спокойно и не торопясь приступим к подготовке записи видео «Прощания с бумагой». Моя глубочайшая и искренняя благодар-

ность всем, кто поучаствовал. Спасибо ВАМ!

1 июня

Такой бурной и изнурительной весны у меня не было никогда. Совершенно не хватало ни сил, ни времени, ни собранных в хоть какой-то порядок мыслей, чтобы писать в дневник... Чтобы хоть нанизать на ниточку бусинки совсем свежих и уже остывающих воспоминаний. Этими «бусинками» набиты карманы, как песком после проведённого на пляже дня.

Вчера вернулся из Тбилиси. Провёл там один день. Абсолютно безумный день... – и счастливый самый первый концерт с «Мгзавреби».

27 мая, вечером, прилетел в Калининград из Владивостока. Провёл в самолёте одиннадцать часов. Это существенно дальше, чем от Москвы до Нью-Йорка. 8 часовых поясов сильно сбили с толку. За 28-е не очень пришёл в себя. Как раз в этот день прилетела Анна Матисон, поработали над новой пьесой. Не могу сказать, что сильно продвинулись, но кое-что сделать удалось. А 29-го, через Минск, полетел в Тбилиси.

Прилетел в столицу Грузии в четыре часа утра, мало сообщая, сколько времени, закатное солнце освещает облака, или же это восход. Для себя решил, что это закат, и поужинал восхитительными хинкали в пять утра. Удалось немно-

го поспать... Потом мы в первый раз после сугубо студийной работы встретились с Гиги и остальными музыкантами «Мгзавреби» на сцене знаменитой Тбилисской филармонии. На культовой сцене, где в 1979 году выступал Би Би Кинг, в 1980-м прошёл легендарный рок-фестиваль, на котором впервые для широкой публики и свободно сыграл, помимо прочих, «Аквариум» и БГ. На этой сцене играл и пел сам Рэй Чарльз.

И вот я вижу этот почти двух с половиной тысячный зал, билеты в который раскуплены, представляю себе его заполненным до отказа весьма взыскательной тбилисской публикой, она в подавляющем большинстве придёт на любимую группу, с которой я исполню несколько песен. Я понимаю, что по большей части молодая тбилисская публика знать не знает, кто я такой.

Ох, давненько я так не волновался! Уточню: давненько меня не тряс такой мандраж.

Давно не был я так счастлив в предвкушении чего-то нового.

После концерта, с шумом в ушах и в полузабытьи, в окружении старинных друзей, которые поздравляли и радовались успеху, я ходил по старому Тбилиси, пил без разбору всё, что давали, слушал тосты, сам что-то говорил, а потом в три часа ночи упал в самолётное кресло возле иллюминатора и рассвет встретил уже в Минске. В 9.30 утра я прилетел в Ка-

лининград, не понимая, было со мной это всё или только по-
чудилось. Завтра вылетаю в Москву, и снова замелькают го-
рода. Какая прекрасная невыносимая жизнь!

А сильно раньше была Украина, про которую я пока так
ничего и не написал. В частности, были Львов и Луганск. Не-
возможно себе представить, что эти города находятся в
одной стране. Не только дома, улицы, воздух, нравы, уклад,
речь и язык, на котором говорят люди, но даже лица, походка
и жесты – всё другое, разное и даже несопоставимое. Не буду
говорить, где лучше, а где хуже (хотя у кого-то вывод напра-
сился сам собой), просто это ужасно разные города. В Рос-
сии нет городов, которые бы так сильно отличались друг от
друга. Даже Улан-Удэ и Краснодар не так далеки.

Во Львове очень ждали спектакля, и мы получили друг от
друга большое удовольствие и впечатление. Мы – это публи-
ка и я. За себя могу говорить с большей уверенностью, но всё
же атмосферу, которая была в зале, иначе, чем оправданные
сильные ожидания, назвать не могу. Город внешне расцвёл
за то время, пока я его не видел. Точнее, ещё больше при-
шёл в соответствие замыслу тех, кто его когда-то строил. Во
многих местах Львова, не зная, что ты во Львове, можно ре-
шить, что ты в каком-то районе Вены или Будапешта.

Я был совершенно потрясён, когда меня притащили во
Львове в караоке. Ненавижу караоке и никогда не хожу. Для
меня в караоке есть что-то унижающее человеческое досто-

инство. Даже прекрасный человек может быть безобразным и отталкивающим в своём безудержном желании петь. Человек, который может показаться умным, воспитанным, содержательным и глубоким, вдруг вскрывается в караоке как самодовольный идиот, лишённый всякого вкуса, а главное – внутренних тормозов.

Но во Львове я решил пойти. Мне было любопытно, что поют в караоке люди, стоящие на страже украинской культуры, языка и традиций. Я мучился три часа. И только по моей просьбе весёлая, дружелюбная и милая компания людей, которые между собой говорили по-украински, но пели самый ужасный репертуар «Русского радио» и «Радио Шансон», вплоть до «Как упоительны в России вечера» и «Владимирский централ»... Только по моей просьбе они для меня исполнили песню на украинском языке. Я попросил хоть что-нибудь на украинском, надеялся услышать что-то мне незнакомое, но яркое, и выяснить, что же люди во Львове поют сами для себя на родном языке. Мои новые знакомые нестройно исполнили «Червону руту», которую не надо szukať вечорами, то есть песню из репертуара вечно молодой Софии Ротару, которую я с детства знаю наизусть.

Общее настроение в Украине я нашёл в целом бодрым по причине приближения лета. И подавленным по причине всех остальных причин. Моему хорошему знакомому из Днепропетровска, который никакого отношения не имеет ни к какому искусству и тем более к балету, недавно плеснули кисло-

той в лицо. И он лишился зрения в свои тридцать с небольшим. В таком стиле сейчас решается много бизнес-вопросов. А в парне по имени Серёжа столько доброты, жизни, какой-то удали... Ужасно!

В Одессе видел такое количество турок и северных кавказцев, которые ведут себя совершенно по-хозяйски: шумно, агрессивно-свободно и без всякого внимания к специфике неповторимого города. Хочется воем выть... А эти «оккупанты» табунами водят одесских барышень, которые веселы и покорны. Турки давно хотели Одессу... Конечно, до того, чтобы начать петь песню «Одессу покидает последний батальон», ещё далеко, но не так далеко, как кажется.

Новые украинские гастроли уже намечены на осень, и я с нетерпением жду новой встречи с городами, которые проехал в начале весны. Меня интересуют и волнуют процессы, которые происходят в этих городах. Неужели апатия в них победит, как победила у нас. Судя по всему – побеждает. Но надежда, во всяком случае у меня, ещё есть.

После Украины заехал на один день в Ростов-на-Дону, где на меня обрушился обычный для Ростова фонтан разговоров, общий несмолкаемый шум этого города и яркая галерея типажей и персонажей, которых в Ростове слишком много...

Из Ростова через Москву улетел в Алма-Ату, где ждали меня друзья-казахи и, как вы понимаете, галерея лиц была неспешной и совсем-совсем другой. Провёл там творческий вечер. Совершенно бесплатно. Бесплатно потому, что сам

его хотел. Понял, что в этом сезоне и, возможно, в этом году не удастся привезти в Казахстан новый спектакль. Но надолго расставаться с алма-атинской публикой не хочу. Для меня это важное человеческое и культурное пространство. Хотел напомнить о себе и себе напомнить об Алма-Ате.

Друзья свозили в горы. Попарили в бане на самом берегу горной реки. Помню, сидел на полке, истекал потом и думал, как было бы прекрасно устройство жизни, если бы то, что со мной происходит, растянуть во времени, чтобы все это не мелькало, а происходило через заметные паузы. И чтобы в моей жизни было достаточно сна. «Сон – это всё-таки роскошь. Роскошь пока себе не заработал», – думал я.

После возвращения из Казахстана у меня было всего пять дней, и в эти дни я не нашёл в себе сил хоть что-то написать в дневнике.

Потом улетел в Красноярск, из Красноярска в Иркутск, Хабаровск и Владивосток. В общей сложности в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке провёл две недели. Сыграл восемь спектаклей. То есть был в таком отдалении от дома, что когда у меня начинался вечерний спектакль, мои дети ещё не возвращались из школы.

Но о сибирских и дальневосточных впечатлениях напишу позже. Они значительны. Особенно большим событием было посещение Русского острова и Дальневосточного университета. Мосты Владивостока – особая тема. Пока не подобрал слов.

А позавчера был Тбилиси... Там я понял, как прекрасна и невыносима, или невыносимо-прекрасна жизнь!

Концерт, как уже говорил, проходил в главной филармонии страны. 2300 мест. Билеты были раскуплены. Надо понимать, что вся Грузия по количеству людей – это едва один округ Москвы. Мне говорили совершенно незнакомые люди и люди, которые не знают меня, что на сегодняшний день вряд ли какой-нибудь местный ансамбль или исполнитель, если не брать оперных, сможет собрать в Тбилиси целую филармонию. «Мгзавреби» в Грузии любят так, как когда-то, почти двадцать лет назад, у нас любили Илью Лагутенко и группу «Мумий Тролль». Гиги Дедаламазишвили и остальные «Мгзавреби» такого же возраста, как и Илья с «Троллями», когда начинали. «Мгзавреби» – редчайший случай группы из людей, знакомых со школы. Это не продюсерский или искусственный «проект», а настоящая Группа в том понимании творческого коллектива, какое было когда-то. На сегодняшний день это просто чудо.

Концерт в Тбилиси – это что-то отдельное. Начало было заявлено на восемь. В половине девятого зрители более или менее заполнили зал, хотя билетов не было давно. У нас обычно публика ждёт музыкантов, здесь же было ровно наоборот. Многие шли семьями с совсем маленькими детьми. Шли какие-то тётушки, для которых «Мгзавреби» скорее всего не столько музыканты, сколько хорошие мальчики, на которых приятно посмотреть. Шла, что называется, модная

публика и совершенные на вид таксисты, шли много красивых девушек, но основной костяк – 25–27+. Приятные, рядные, весёлые.

Организация всего этого тоже была очень грузинская в самом лучшем смысле этого слова. За кулисами было много людей, задачи которых были мне не ясны. Приходили какие-то родственники, чьи-то сёстры, племянники, дети, все страшно друг другу радовались, будто виделись не вчера, а тысячу лет назад. А я волновался и ощущал только пульс в голове и в горле. Я волновался так, что мне даже хотелось сбежать, хоть мы всё подробно отрепетировали. Надо отдать должное: Гиги и «Мгзавреби» репетируют неутомимо и люто. Настоящие музыканты!

Мы исполняли четыре песни. Мой первый выход должен был быть тринадцатым номером в программе. Но до этого «Мгзавреби» исполнили песен двадцать, и я совершенно сбился со счёта. Дело в том, что если публике нравилось, «Мгзавреби» сразу исполняли песню на бис, то есть два раза подряд. Такой практики я нигде не видел, но мне понравилось.

Меня, а точнее наши песни, приняли фантастически. Хоть звук был не очень, и я думаю, что многие молодые люди не до конца поняли мои беглые тексты на русском языке, всё же было ясно, что мы сделали классный художественный продукт. Ему рады, его хотят, его ждали. Я был абсолютно счастлив: я снова вернулся на музыкальную сцену, я снова

с музыкантами, и это совсем не похоже на то, что было. Со мной молодые люди с мощным талантом и яркой индивидуальностью, которых я, даже если бы захотел, не смогу перекрыть.

Вместе с Гиги выступить одно удовольствие. Он неутомим, и в нём столько любви к музыке и к тому, что он делает, что этого хватает на самую большую аудиторию.

После того как я закончил выступление, мне удалось пойти в зал, и я с наслаждением дослушал концерт среди публики.

Как здорово, что уже 15 июня мы вместе выступим в Москве. Я нисколько не сомневаюсь, что тех, кто придёт, ожидает большое впечатление. Мы вместе исполним десять песен, то есть почти весь новый альбом. Ещё столько же песен «Мгзавреби» исполнит без меня. Убеждён: те, кто побывает на концерте, запомнят сложно выговариваемое слово «Мгзавреби» навсегда. Я горжусь даже не тем, что мы вместе что-то сделали и делаем, а что открою этот коллектив и их музыку тем, кто доверяет моему вкусу. Тем, кто просто мне доверяет. Да и вообще – поспособствую скорейшему приезду «Мгзавреби» в Россию.

22 июня

Вчера у меня начались каникулы...

Позавчера около полудня думал открыть дневник и сделать первую запись после окончания сезона. После полудня размышлял о том, с чего, с какой темы начать эту запись. Думал, не начать ли её с рассказа о том, как прошли наши концерты и записи с «Мгзавреби» в Москве, как ребята грузины впервые оказались в нашей столице, как интересно было наблюдать за их первыми впечатлениями. Или рассказать о насыщенной поездке по Золотому кольцу и городам, которые в это кольцо не входят. Ещё хотел сообщить о том, как побывал в наиважнейшем для меня месте, в Рязанской области, в Путятинском районе, в деревне Мясное, где когда-то Андрей Тарковский купил и обустроил свой самый любимый дом, в котором он хотя бы иногда был счастлив и который до сих пор хранит тепло и суть его прикосновений.

Ещё подумывал я, не начать ли с того, как накануне возвращения домой провёл целый день на съёмочной площадке с Гошей Куценко. Я впервые играл самого себя и впервые снимался в телесериале: в киносериалах-то я уже участвовал. Смешной получился опыт – хотел о нём поведать.

Но в час дня все мои планы были нарушены, и жизнь самым неожиданным образом определила тему, о которой я хоть и не хочу, но скажу сегодня. Просто ни о чём другом не

могу сейчас думать, хотя совсем не хочется. СОВСЕМ!

Прилетел позавчера в Калининград из знойной Москвы. Прилетел – а здесь ещё больший зной, истома с запахом моря. Ехали в открытой машине домой, и я думал: «Вот оно, лето, в самом разгаре, а я и не замечал его до этого».

Когда работаешь и едешь между городами, весь этот зной и обильная растительность, уже отцветшие фруктовые деревья и девушки в лоскутках лёгких тканей на улицах... Даже когда переезжаю по мостам через реки и вижу купающихся людей на городских и загородных пляжах – это для меня не лето, а только какие-то признаки и напоминания о том, что во время очередного спектакля в театре будет душно и жарко.

А тут я ехал из аэропорта домой, понимая, что почти три месяца я не выйду на сцену, что долгожданное лето наступило для меня!

Ехал и дышал мощным разнотравьем. Дома встретили дети и огромные розы, которые распустились без меня. Польский сорт «Шопен». Белые цветы до двадцати сантиметров в диаметре! Потом, сидя возле дома, я ел первую в этом году домашнюю окрошку... Вечерело. С озера доносились жизнерадостные голоса больших лягушек, свистели птицы – и ни одного комарика... Радость, роскошь, нега! «Боже мой, какая же красота!» – думал я. Потом безмятежно спал, с утра вынашивал планы, с чего начать первую летнюю страницу дневника, а потом из Москвы пришло эсэмэс-сообщение от

Иры.

Ира сообщила, что ночью у нас на складе дотла сгорели декорации спектаклей «+1», «Прощание с бумагой» и сильно пострадали декорации «По По».

Каникулы тут же прервались, не начавшись.

Сгорело всё оборудование и техническое оснащение спектаклей, сгорели костюмы, реквизит, в том числе и любимый скафандр из «+1», бесценная пишущая машинка «Ундервуд» 1934 года из «Прощания с бумагой», видеопроекторы... Всё! Сгорели предметы, которые я ощущал товарищами и спутниками в путешествиях по городам и весям. Сгорел даже Рай, который так всех радовал в спектакле «+1». Ощущаю себя музыкантом, у которого сгорел музыкальный инструмент.

Часто ловил себя на мысли, что не без интереса и не без любопытства смотрю репортажи о чрезвычайных ситуациях, особенно о пожарах. Завораживающе смотрятся ночные пожары с применением больших пожарных средств. Смотрел и думал, мол, какое мощное зрелище: и пожарные, которые в своих шлемах и комбинезонах выглядят почти как античные герои, и струи воды, подсвеченные огнём, – красота! Теперь ругаю себя за такое любопытство, понимая, что в этот момент у кого-то сгорали дорогие, а то и бесценные предметы, жильё, неповторимые и любимые вещи. А кто-то в одночасье, имея планы не только на лето, но и на дальнейшую жизнь, вдруг лишился всего и безвозвратно.

Пожар, в котором горели декорации моих спектаклей, был, наверное, очень красивым. Склад, где мы держали наше добро, тушили даже с реки, с катеров. Наверняка было на что полюбоваться... Не буду больше смотреть такие репортажи. Стыдно теперь будет за праздное любопытство и равнодушное наблюдение чужой беды.

Вчера весь день обзванивал друзей с просьбой о помощи и поддержке. К вечеру устал, но общее настроение стало почти радостным, потому что никто в помощи не отказал.

А ещё удивительно, как быстро человек может найти положительное и даже счастливое в абсолютно безрадостной и дурацкой ситуации. Например, уже к вечеру мы по-настоящему радовались и даже видели определённое везение в том, что всё это случилось по окончании сезона, а не в его разгар. В противном случае спектакли были бы вообще отменены.

Теперь в планах на лето – успеть восстановить, точнее снова изготовить декорации в полном объёме, а также костюмы, реквизит, технику... Даже не представляю, где удастся найти такую тщедушненькую коричнево-жёлтенькую рубашечку, в которой я столько лет играл «По По». Таких сейчас и не делают...

Вот такие приключения. То есть жизнь вообще не скучная. Вот поскучать бы! Эх! Поскучал бы и поленился в удовольствии!

Приду в себя и на днях расскажу и о доме Тарковского, и

о Золотом кольце, и о первом московском концерте с «Мгза-вреби», и о многом-многом другом... А потом с радостью расскажу о том, что наши декорации, техника и реквизит восстановлены и мы снова готовы к спектаклям, дорогам и городам.

23 июня

Два дня, что называется, провисел на телефоне. Обзванивал друзей и принимал их звонки. Слышал только сочувствие и готовность оказать всяческую помощь. Это радостно и внушает надежду. К вечеру вчера всё же вырвался к морю. Съездил в посёлок Янтарный, на самый любимый из ближайших к городу пляжей. Впервые в этом году разделся, подставил бледное после зимы туловище под солнечные лучи и балтийский ветер.

Какой же это особенный, упругий и в то же время ласковый ветер! В нём много запахов, каких не бывает у океана или очень солёных морей. В балтийском ветре удивительная смесь морского букета и запахов, которые долетают с могучих рек или больших озёр. Балтика же такая – на вкус как малосольный огурец. Да и вода вчера была 20 °С, чистая, зелёная и мягкая. Открыл для себя купальный сезон. Стало полегче. Много прояснилось, и стало не так страшно и пугающе.

Сейчас обдумываем и решаем, с чего начать процесс воссоздания декораций, реквизита, оборудования и прочего. Со многим понятно, что делать, однако утрачены довольно ценные вещи – не в смысле стоимости, а в смысле их редкости. В частности, где взять новую промокашку для «Прощания с бумагой»? На удивление, во всём этом жутком пожарище

промокашка хоть и пострадала, но не погибла целиком. Погнулись металлоконструкции, дотла сгорела мебель; видеопроекторы и дым-машина даже не смогли быть опознаны, а вот промокашка в полиэтиленовой обложке обгорела только с краю и запаялась в полиэтилен, будто заламинировалась.

Но в спектакле её уже показывать невозможно. Вдруг у кого-нибудь сохранилась чистая розовая промокашка? Именно розовая, потому что она была самая распространённая, классическая и приятная. Мало ли! Может, лежит у кого-то, забытая и ненужная. А нам она необходима. Мне необходима.

Может, у кого-то есть и ему не нужен авиационный, так называемый «высотный» шлем, похожий на шлем космонавта. Их довольно много на руках у коллекционеров и любителей авиации. Может, у кого-то есть и ему не нужна пишущая машинка довоенного производства...

Мы ещё не составили список того, что нам надо, и того, что, может быть, у кого-то пылится в гараже или на даче. Мы подумаем, как можно нам это передать или показать, если вдруг у кого-то есть то, что нам надо, и кому-то не жалко это отдать.

Сейчас в Калининграде прекрасный, тихий вечер. Ни ветерка, никакого движения в небе и ветвях. Пару часов назад прогрохотала гроза и был ливень. Сейчас всё пахнет и даже благоухает.

Завтра все заботы и хлопоты, связанные с утратой дорогого нам имущества, возобновятся. Они, эти заботы, сами собой никуда не денутся. Но сейчас, тихим воскресным летним вечером, они как бы уходят в опускающиеся сумерки. Совсем не хочется об этом думать. И не буду. Подумаю об этом завтра (спасибо Скарлет О'Хара за жизненный пример). И спасибо друзьям, которые дают возможность хотя бы один вечер не думать о случившемся, а наоборот, вселяют уверенность, что всё будет хорошо.

25 июня

Уже начали поступать письма с предложениями передать нам в пользование для спектакля «Прощание с бумагой» пишущую машинку, кто-то ищет лётный шлем... Большое спасибо! Однако подождите немного. Мы ещё не составили список и описание предметов, которые, надеемся, могут найтись в чьих-то руках и могут нам из этих рук быть переданы. Но сейчас о другом: хочу рассказать о нашем первом совместном концерте с «Мгзавреби» в Москве.

Концерт состоялся 15 июня. 14-го я, смертельно усталый, прилетел утром из Воронежа после гастролей по ближнему к Москве кругу. Вечером исполнял спектакль. Пока я был на сцене, ребята прилетели из Тбилиси. По понятной причине я не мог их встретить. У них была задержка при вылете, потом долгая возня с получением багажа, то есть музыкальных инструментов. Я волновался. Очень хотелось, чтобы Москва и Россия в целом, в которую они все прибыли впервые в жизни, встретила их дружелюбно. Хотя бы встретила, потому что визы мы им выбивали и они их получали с большим трудом и очень долго. В то время как российские граждане могут прибывать в Грузию без виз. Добрались «Мгзавреби» до места ночлега сильно за полночь. И я не смог их дождаться, потому что вынужден был от усталости просто упасть и уснуть. Встретились мы только на сцене клуба Б2.

Когда я пришёл в клуб, они, деловые и счастливые, сообщили, что инструменты настроены и можно репетировать. А потом, почти наперебой, стали говорить, какие прекрасные люди встретили их в Москве. Гиги, впечатлённый, говорил о том, что опасался того, как будет всё происходить в аэропорту с таможней и на границе, а всё вышло очень хорошо. Он рассказал, что у них вызвало большую трудность заполнение иммиграционных карточек и деклараций. Читать-то и говорить по-русски они умеют все, в разной степени, но неплохо. А вот навыков письма на русском языке у них нет. Они застряли с этими бумажками надолго и остались последними с рейса перед контрольно-пропускным пунктом. Восемь молодых грузин, впервые прибывших в Россию, громко обсуждали детали заполнения необходимых бумажек. «А потом, – сказал Гиги, – к нам вышла девушка в форме и сказала пройти с ней. По его словам, он заволновался и даже испугался, а девушка вместе со своими коллегами быстро заполнила им все бумажки и дружелюбно, гостеприимно и без каких-либо проволочек пропустила их через границу и таможню. Как же я рад был это слышать!

При всей известности и настоящей популярности «Мгзавреби» в Грузии, ребята совсем ещё не избалованы хорошей организацией концертов и неким стандартным набором того, что получает артист в гримёрной и на сцене клуба или зала, в котором выступает. В частности, они не знали, что в гримёрной должно быть обязательно полотенце. Каждому.

Они искренне радовались мелочам, а главное – нормальной, слаженной работе звукооператоров и техников. То, что я видел, когда был на концерте в Тбилиси, совершенно отличается от того, к чему сам привык. В Тбилиси настройка звука, так называемый саундчек, проходила долго, весело, можно сказать, по-домашнему. Всё обсуждалось, кто угодно мог давать советы, звукооператор был всем доволен. Все были довольны друг другом. Вот только сам звук оставался немного делом необязательным. Это было трогательно, мило и как-то, в лучшем смысле, по-грузински.

Гиגי ужасно волновался перед первым московским концертом. Это было видно по глазам, по необычной бледности лица, по движениям рук. Я хорошо его понимал. Ещё бы! В первый раз сыграть в России, в Москве. Впервые шагнуть в эту вроде бы знакомую, близкую, нечужую, но огромную и неизведанную страну. Впервые встретиться с Нами, то есть с российской публикой и слушателями.

Гиגי волновался гораздо сильнее, чем я в Тбилиси. У меня опыта многократно больше, да и в Тбилиси я бывал много раз. А перед нашим концертом в Москве с нетерпением, с безудержным рвением ждал выхода на сцену. Ждал как человек, у которого есть хороший подарок – сюрприз, – и ему не терпится его показать и вручить другу. Я не сомневался, что будет прекрасно. Но я не мог представить, насколько прекрасно! И я не ожидал того мощного градуса, который возник моментально в зале и на сцене, не ожидал тех искр,

которые высекут музыканты и публика, не ожидал взаимного удивления и восторга друг от друга. А удивлены были и восхищены как «Мгзавреби», так и те, кому посчастливилось быть на их первом выступлении в Москве.

Те, кто занимается сценическим творчеством, часто слышат вопрос: вы помните своё первое выступление? Кто-то помнит, кто-то – нет. К тому же что считать первым выступлением на сцене? Первый стишок на утреннике в детском саду, участие в школьном хоре, в студенческой самодеятельности, или самые первые малоосознаваемые сценические экзерсисы на пути к профессиональной сцене? Трудно сказать. А 15 июня в Б2 было действительно первое выступление уже сложившегося, зрелого, со своим звучанием, лицом и своей интонацией самобытного коллектива перед российской публикой. Это было чудо! Потому что такой первый концерт бывает только один раз. Это последних концертов бывает много: последний в этом сезоне, последний в этом составе, последний в этом городе, но первый – он и есть первый. Те, кто тогда были в Б2, не забудут, как не забудут этого «Мгзавреби», как не забуду этого я.

Я наблюдал, как пришедшие на концерт разглядывали уставленную инструментами и аппаратурой сцену. Они смотрели с удивлением: они не видели того, что всегда есть и должно быть на сцене, если ты пришёл на рок-концерт. А этого не было! Не было большой ударной установки, не было этой пирамиды из барабанов и тарелок. Клавиши, ги-

тары, бас стояли на своих местах. Микрофоны... А вместо большого количества барабанов стоял один маленький, похожий на песочные часы, африканский барабанчик. Я слышал, как люди переговаривались между собой и высказывали предположение, что, наверное, будет исполняться что-то народное, негромкое...

Концерт начался с тридцатиминутной задержкой. Зрители долго проходили в зал. Эти тридцать минут Гиги, по-моему, ничего вокруг себя не видел. Он был тихий, ушедший куда-то глубоко в себя. Как я люблю людей в этом состоянии! В такие моменты ты видишь, что человек живёт только и исключительно творчеством, музыкой, стихами, то есть всем тем, что он готовится через мгновения отдать другим людям со всей возможной силой, и тем, что мы иногда называем душой.

Перед тем как объявить группу «Мгзавреби» и наш совместный концерт, я подумал, что мне удастся сейчас поделиться сразу два раза: я поделюсь с «Мгзавреби» своей публикой – всё-таки на концерт пришла публика, которая привыкла видеть на этой сцене наши выступления с «Бигуди»... А с публикой я поделюсь музыкой и тем, что называется «Мгзавреби»... Я вышел, сказал, что концерт будет состоять из нескольких частей и что сегодня впервые прозвучат наши совместные песни, которые мы записали за почти год работы, но в самом начале пусть сыграют «Мгзавреби» без меня. Я предложил пришедшим познакомиться и начать при-

выкать к тем музыкантам и друзьям, которых я знаю и люблю. Я сказал, предоставил сцену моим грузинским коллегам и тут же побежал в зрительный зал.

То, что происходило на концерте, я описывать не буду. У меня не получится, и нет смысла. Не на второй, не на третьей, а уже на первой песне весь зал танцевал, размахивал руками и был полностью вовлечён в музыку. Я много раз бывал в Б2 и много раз играл в нём. Но я не видел, чтобы охранники, которые каждый день, работая в клубе, слушают, а чаще всего вынуждены слушать самых разных исполнителей самого разного уровня... Так вот, я не видел, чтобы они практически с начала концерта снимали происходящее на фотоаппараты и телефоны. Один парень из охраны сам себе приговаривал: «Ну, грузины, ну, грузины!»

Удивительно то, что концерт состоялся 15 июня нынешнего, а наш последний концерт с «Бигуди» именно 15 июня прошлого года. Это получилось случайно. Я осознал это только вечером накануне. Как же здорово, что мы десять лет работали с «Бигуди»! Как здорово, что спустя десять лет мы расстались самым дружеским образом, понимая, что нужно жить дальше. Если бы не было этих десяти лет совместной работы, разумеется, никакого концерта и альбома с «Мгзавреби» не было бы и в помине. Если бы мы не расстались в прошлом году, разумеется, не было бы эсэмэс-сообщения и звонка из Тбилиси с предложением попробовать что-то сделать вместе. Не было бы! Это закон жизни.

26 июня

Мы играли наш первый концерт больше двух часов. Нас не отпускали. Да и мы не хотели уходить. Пока у нас с «Мгза-вреби» готово и отрепетировано всего девять песен. В альбоме их будет одиннадцать. Две песни из тех, что мы сделали и исполнили 15-го, в альбом не войдут. Но альбом выйдет только в октябре. То есть мы вместе исполнили девять вещей и раза три повторили некоторые на бис. Остальное ребята играли и пели сами. Так что почти половину концерта я провёл в зрительном зале среди зрителей. Я был счастлив и на сцене, и глядя на неё. В конце концерта, отдавая дань десяти годам незабываемой совместной работы с «Бигуди», из почтения к тому, что когда-то Гиги и его друзья услышали в нашем исполнении и полюбили, и из благодарности к дивной песне моей юности, мы, почти не репетируя, исполнили «На заре». Она прозвучала совсем по-другому, чем было у нас с «Бигуди» и с Ренарсом Кауперсом: с грузинским мягким акцентом, не в таком темпе, не так мощно, но невероятно тепло и к большой радости собравшихся.

После концерта все были оглушённые, уставшие, неразговорчивые. Ребята писали эсэмэски домой... Потом мы поехали в ресторан. В Москве стояла летняя ночь, в ресторане никого не было. Не было ни сил, ни голода, ни жажды. Была усталость, удовлетворение и звон в ушах. Прекрасный звон

после мощного, громкого концерта. Так продолжалось какое-то время. Но грузины всегда и везде грузины. Прозвучал один тост, другой. Негромкие, небравурные... Потом ещё кто-то что-то сказал... К нам присоединились друзья, которые были на концерте... А потом грузины, конечно, запели. Они пели грузинские песни, но среди них вдруг проскочила знакомая с детства «Мы своё призванье не забудем, смех и радость мы приносим людям». Песню бременских музыкантов они также спели по-своему, моментально разложив на голоса. Так мы и встретили рассвет.

На следующий день ребята пошли ко мне на спектакль. После спектакля были тихими, усталыми, впечатлёнными. Я повёл их ужинать и испытал серьёзный стресс. Представьте, восемь молодых грузин, для которых самый большой город, в каком они бывали, это Киев. Для них естественным ритмом жизни является ритм Тбилиси, где никуда не надо спешить, где почти все друг друга знают, а если не знают лично, то знают кого-то из родственников, знакомых или одноклассников. Где нет той скрытой агрессии и опасности, которая, как бы ни была приятна летняя Москва, особенно в выходные дни, всегда в этом огромном городе присутствует и про которую никогда нельзя забывать – хоть и очень хочется забыть. Я был как пионервожатый, который собирает своих подопечных и одного всё время не хватает. Пока находишь отсутствующего, теряются ещё два. То кто-то пошёл покурить, то кто-то с кем-то заговорил, то кто-то решил что-

то сфотографировать. А нам нужно было перемещаться на трёх такси. Я совершенно не хотел их запугивать и настораживать, а они всё говорили, что они взрослые люди, сами во всём могут разобраться, и чтобы я не волновался. Но стоило мне чуть-чуть потерять бдительность, как сволочной таксист, которому я всё объяснил и дал денег, завёз троих чёрт-те куда и, ничего не объяснив, высадил из машины и уехал. Про то, как мы нашлись, не буду говорить. Но как же приятно было смотреть на этих красивых, весёлых, очень разных, открытых и дружелюбных людей на Тверской улице и чувствовать, слышать, видеть, из какого они другого, маленького, уютного и пока ещё живущего по иным правилам и традициям мира.

До их возвращения в Грузию мы успели сыграть два крошечных концерта на телевидении «Дождь» и на канале «Москва 24». Надо было видеть, какое оживление царило на студиях с их появлением и с того момента, как они начинали даже не играть, а просто настраивать инструменты и распеваться. Из этого всего становилось ясно, что все соскучились по грузинам, даже если их толком никогда не видели и не знали. Многие, кто их слышал, даже и не догадывались, что на самом деле скучали по ним.

Самый приятный эфир был на радио «Серебряный дождь» в программе «Что-то хорошее» у Алекса Дубаса. Алекс прямо в эфире, не говоря радиослушателям, открыл бутылку вина. Моментально возникла удивительная атмо-

сфера то ли «квартирника», то ли посиделок на даче у старинного друга. Мы что-то исполнили. Алекс принимал эс-эмэс-сообщения от слушателей. Девушка из Твери написала, что счастлива нас слышать, что когда-то в детстве жила в Кахетии, в Телави, и с детства запомнила из песенки несколько грузинских слов. Она написала эти слова, Алекс, как смог, их прочёл, а ребята, не сговариваясь, подхватили и спели эту песню. Это было чудо. Чудо живой встречи. Берусь только догадываться, как была счастлива та девушка в Твери. А потом я вспомнил эпизод из фильма «Мимино», когда герой из Западного Берлина пытается сначала позвонить в Дилижан, но это оказывается невозможно, а потом просит соединить его с Телави, но его соединяют с Тель-Авивом, где он попадает на земляка, и они вместе поют. Я напомним этот фрагмент, и ребята тут же спели ту самую песню.

За прощальным ужином я спросил Гиги и ребят: «Ну что, братцы, сейчас вернётесь в Тбилиси и увидите, какой он маленький, уютный, тихий и весь родной? Увидите город, в котором знаком каждый дом, балкон, переулок... Город, в котором вы помните, какая была булочная или хинкальная на месте сегодняшнего бутика или кафе, где Кура течёт, как выясняется, совсем неторопливо...» Они заулыбались и молча покивали в ответ. Мы выпили и расстались до следующего концерта, который состоится в Москве 20 июля.

Вспоминаю концерт, эфиры, нашу студийную работу в

Тбилиси, наши репетиции, наши ужины, нашу совместную усталость и совместную радость. Улыбаюсь.

30 июня

Производство новых декораций удалось запустить, сбор средств идёт вполне успешно, несмотря на лето и уже начавшиеся отпуска и разъезды. С остальными деталями пока определяемся. Поступает много писем поддержки и предложений разнообразной помощи. Это приятно, чертовски приятно.

А в Калининграде прошли дожди, зелень достигла пика буйства и мощи. Деревья ещё не устали и не согнулись под тяжестью листвы. Лето движется к своему пику и апогею. Жаль, я не совпал в этом году с этим летним ритмом. В саду расцвела гортензия. Она, можно сказать, не расцвела, а бабахнула, как мощная яркая хлопушка, а хлопки бутонов так и замерли. Вон они, я вижу их в окно. Чудо какое-то! Этой гортензии даже хочется сказать: «Простите, можно слегка поскромнее? Что ж вы так-то?! Это даже чересчур». Этим летом многое чересчур...

Вспоминаю последние гастроли этого сезона по Ярославлю, Иваново, Владимиру, Липецку, Рязани и Воронежу. В первый раз я был в этих городах в такую по-настоящему летнюю и щедрую пору. Раньше, если бывал осенью – это уже было начало холодов, если весной или в начале лета – попадал в дожди и грозы. В этот же раз я увидел Ярославль в

настоящем блеске. Блестело всё: купола, свежая листва, река, улицы после мощного наводнения, окна после недавней майской помывки, ещё совсем белые, незагорелые тела на пляже тоже блестели после первого купания. В первый раз исходили весь город вдоль и поперёк с вечера до рассвета. Под утро счастливые, усталые ели в каком-то заведении селедку под шубой и запивали квасом. Вот сейчас вспомнил и почувствовал усиленное слюноотделение. Меньше трёхсот километров от Москвы – и на́ тебе – Ярославль! Красиво, спокойно, вкусно. Город местами удивительно и изощрённо красив. Он мне всегда нравился, но в первый раз я его увидел в зелени, летней неге и радости.

Я часто упоминал, что средняя полоса России, Мещёрский край, Золотое кольцо, Поволжье, все места, описанные Тургеневы, Буниным, Паустовским, Пришвиным, мне с детства были неведомы и незнакомы. Тот самый знаменитый литературный пейзаж мне всегда казался слишком литературным и слишком сочным. Мой пейзаж – это сибирские чуть холмистые дали с полями, лесополосами и островами березняков. А ещё извилистая быстрая тёмная река, часто с одним крутым берегом. Нынче же летом я увидел то, о чём так блистательно писали многие и многие.

Во Владимире в этом году было хоть и красиво, но случилось экстремальное количество комаров и мелких, кусучих мошек. К такому их количеству, наверное, привыкли нефтяники в тундре в самый разгар короткого северного лета, да

таёжники. Но у тех хоть защитные сетки от кровососущего гнуса, во Владимире же на фоне церквей и старинных стен попадать в тучу кровопийц было странно. Я никогда не видел, чтобы люди так отчаянно отмахивались в центре города от комаров и мошек сломанными тут же в сквере ветками, чтобы укрывали детей чем только можно и в панике бежали с остановок в любой проходящий транспорт или домой. Бедные модницы, надевшие долгожданные короткие юбки и платья, недолго могли гордо идти по улице. Они очень скоро начинали поджимать ноги, потом отмахиваться, а потом переходили с быстрого шага на бег и бегство. Мне сказали, что такого злосчастья не было на памяти тех, кому лет столько же, сколько мне. В этом году что-то неладное случилось в природе. В Иванове тоже сильно кусали комары, их, по словам местных жителей, было больше, чем всегда в это время, однако во Владимире было нечто... Разве только жители Ханты-Мансийска или Сургута могут лучше остальных представить себе то, что творилось во владимирском городском воздухе. Может быть, именно поэтому спектакль во Владимире прошёл с какой-то особой теплотой.

Жарко в эти дни было очень. Мы умирали от духоты и кровопийц во Владимире, а из Рязани нам говорили, что у них страшный ливень, всё залило и дождь не прекращается. От Владимира до Рязани не так уж далеко, но поверить в то, что где-то неподалёку не ливень, а даже дождик, было сложно. Выехали из Владимира в Рязань не рано, приехали туда к

вечеру. Ехали, думали, ну где же дождь? Вот проехали знак, что до Рязани пятьдесят километров. Дорога и обочины были сухие, и давно. Тридцать километров – никаких признаков дождя. Двадцать – жара и яркий солнечный вечер. За десять километров до Рязани мы увидели впереди мрачные, тёмные и густые тучи. А за три километра до Рязани въехали в дождь. В самой Рязани было видно, что дождь здесь идёт уже сутки, и невозможно себе представить, что где-то может быть солнце и сухо. В Рязани мы обнаружили почти предтопное состояние; загнанные под тенты, навесы и в душные помещения свадьбы, невест и женихов с кислыми физиономиями, которые пытались в последних солнечных лучах хоть под зонтиками, но сфотографироваться возле обязательных для рязанских свадеб мест. Дождь словно завис над городом, как душ.

Впервые играл в Рязани в драмтеатре. Прежде всегда работал в филармонии. Два года здесь не был и на спектакле радостно чувствовал, как мы с публикой друг по другу соскучились. Не знаю почему, но рязанская публика как-то особенно мне дорога. В Ярославле здорово, в Иваново отлично, во Владимире тепло, а вот в Рязани всегда бывает какая-то особенная атмосфера и случаются импровизации, которые остаются в спектаклях надолго. А ещё в Рязани столкнулся с удивительным проявлением гостеприимства. Меня пригласили в новое модное рязанское заведение под названием «Балкон». Заведение новое, народу модного было много. Ру-

ководство «Балкона» преподнесло мне и небольшой компании, с которой я был, бутылку водки в ведёрке со льдом. Однако рюмок и ничего больше не принесли. Когда лёд растаял, бутылку забрали. Вот такой неожиданный вид гостеприимства.

В Липецке жил в гостинице, в которой хозяин, армянин, достиг предельных на сегодняшний день вершин воплощения армянской мечты о красоте. То, что намешено в интерьерах, если это можно назвать интерьерами, словом эклектика определить невозможно. Это либо безумие, либо, и скорее всего, бессовестная жадность и желание изобразить шик. Армянские зодчие когда-нибудь доканают наши города и изнасилуют всё, что можно назвать здравым смыслом.

В Липецке, в вечер приезда, имел два замечательных наблюдения. Во-первых, прямо возле гостиницы я повстречался и коротко пообщался с уникальным бомжом. Таких я не видывал, хотя встречал много разных. В начале одиннадцатого вечера я вышел из гостиницы, и меня тут же окликнул сидящий неподалёку на скамеечке человек. Я услышал вежливый и жалобный возглас: «Пожалуйста, вы не могли бы мне помочь!» Я оглянулся, увидел сидящего довольно тучного и совсем не старого человека, с какими-то физическими проблемами. В руке у него была клюка, да и рука, держащая клюку, тоже была не вполне нормальной. Я оглядел человека, пошарил по карманам и нашёл 50 рублей. Он же, увидев деньги, тут же вежливо сказал замечательную фра-

зу: «Простите! Мне нужны не деньги, мне нужна помощь». Услышав это, я удивился и поинтересовался, чем могу помочь. Тогда он достал из какой-то своей авосечки стеклянную бутылку пива и сказал: «Будьте добры, откройте мне бутылку, пожалуйста». Я был в восторге! А буквально через пятнадцать минут я наблюдал, как по вечерней улице очень пьяный крупный мужчина, одетый в одни застиранные, но давно не стиранные трусы, не шорты, не плавки, а именно трусы... Пьяный, толстый, со свисающим на трусы пузом шёл, шлёпая домашними тапочками, не видя никого вокруг и перед собой. Он тащил за собой на длинном поводке крошечную собачку, довольно облезлую, среднюю между малюсенькой болонкой и крупным йоркширским терьером. Собачонка явно была старенькая. Она, бедная, всеми четырьмя лапами упиралась, сворачивала голову в стороны, стараясь заглянуть в глаза всем прохожим и проезжающим мимо в автомобилях людям. Она не скулила, не просила о помощи, но внятно стремилась показать своим взглядом, мол, я не с ним и не имею к нему никакого отношения, я совсем не такая, он не мой, я не его... мне очень стыдно.

В Липецке у меня уже почти совсем не было голоса. Но спектакль прошёл прекрасно, хоть в зале было очень душно. Однако никто за время спектакля зал не покинул, и на телефонные звонки также пожаловаться не могу.

Воронеж меня в этот раз просто поразил. Город весь гулял. Я увидел его красоту и разнообразие, мне удалось похо-

дить по нему пешком, наблюдать несколько прекрасных вечерних видов. Я чувствовал себя в безопасности и радости. Отчего-то встречались весь вечер только симпатичные лица. И хоть я прекрасно понимаю, что в какой-то другой день, в какой-то другой вечер в любом городе можно встретить совсем иные физиономии, в тот вечер было хорошо.

В Воронеже я не был со спектаклями больше четырёх лет. Завершение гастрольного тура было мощным и даже переросло в овацию. Я был счастлив в этой поездке. Прекрасна эта земля! Не случайно такие удивительные писатели так много времени, души и самых точных слов потратили на эти края. Я проехал много-много километров между упомянутыми городами, видел мощные леса, прекрасные поля, брошенные и спившиеся некогда живописные деревни, массу красивейших церквей, и вдоль дороги всё цветущие люпины, нереально сочного сине-сиреневого цвета. Местами пейзаж был такой, что я просил остановить машину, выходил из неё, желая вдохнуть запахи разнотравья и свежей листвы. Но как ошпаренный возвращался, моментально укушенный минимум десятком комаров. В пути я видел сумасшедшие закаты, отражающиеся в медленных, совсем не широких речках. Я встретил несколько удивительных туманных рассветов. Я видел в этой поездке много красоты. Жаль, по большей части из-за стекла, так как комаров было чересчур...

2 июля

12 июня, по дороге из Рязани в Воронеж, заехал в Путятинский район Рязанской губернии, в деревню Мясное, где в самом начале 1970-х купил себе дом, многие годы его перестраивал и какое-то время, по собственным словам, был счастлив Андрей Тарковский. Эта деревня и этот дом подробно описаны и даже зарисованы им самим в дневниках. Без сомнения, это единственная точка на Земле и единственное жильё, которое сделано было как он умел и хотел, и где ему удалось хоть какое-то время жить так, как он хотел и умел.

Его родной дом и дом его детства утрачены и не несут на себе признаков его присутствия. Московские квартиры также мало что могут сообщить. Но дом в Мясном, который он сам неожиданно нашёл и выбрал для себя, его устройство и убранство, многое могут открыть и рассказать о таинственном и непостижимом мастере и художнике, коим являлся Андрей Тарковский.

Я ехал в Мясное с большим волнением и даже трепетом. Ехал я туда не случайно и не наобум. Меня пригласили те, кто многие годы хранит и печётся как может о доме и его содержимом. Ехали мы по нормальной асфальтовой дороге почти через весь Путятинский район. Проехали массу деревень и деревушек, с уже обветшавшими некогда могучими дере-

вянными домами с резными наличниками и прочими деревянными кружевами. Новых строений в прежней традиции не видели ни одного. Видимо, нет в деревнях теперь таких мастеров и никому не нужны подобные сложные подробности вокруг окон и вдоль крыш. Встречались довольно ухоженные старые дома, где резьба аккуратно покрашена свежей краской, в окна вставлены новые стеклопакеты и пластмассовые белые рамы. Сочетание печальное... Я ехал и боялся увидеть жалкую руину вместо некогда любимого Тарковским дома. Ещё больше боялся я увидеть что-то до безобразия перестроенное, изуродованное, погубленное чужими руками и сознанием.

На условленном повороте нас ждала машина. Как нам объяснили по телефону, сами мы ни Мясное, ни тем более дом не отыщем. Мы свернули и поехали по грунтовой дороге в поле. А потом и с грунтовой дороги свернули. Этот путь хранил следы серьёзной распутицы и ясно указывал на то, что здесь ездят редко, а в дожди требуется серьёзная внедорожная техника.

Я всматривался в пейзаж и пытался представить его себе сорок лет назад. Всё время думал: этой ли дорогой ходил Андрей Арсеньевич к своему дому, видел ли он этот пейзаж и какими были тогда эти деревья? А главное – я силился увидеть и услышать то, что ему когда-то полюбилось именно здесь, не в самом близком к Москве и далеко не самом легкодоступном месте. Месте, где нет поблизости знамени-

тых, древних и столь любимых им церквей и монастырей, нет большой реки, нет тихого большого озера, нет ничего очевидно и кричаще красивого и признанного красивым. . .

Я ожидал, что мы въедем в деревню, где будет хотя бы одна улица, типичные деревенские заборы, недалеко стоящие друг от друга дома. Однако увидел я совсем другое. Мы приехали к широкому полю, в котором стояла маленькая недостроенная часовенка красного кирпича, а поле уходило в лесок. Дорога, по которой мы ехали, как раз и шла вдоль этого поля, которое оставалось справа. А слева земля уходила плавно, полого вниз, где медленный склон упирался в заросшую по берегам речку. На этом склоне я увидел две большие усадьбы с очевидно современными и безобразными большими домами, а на их больших участках было наверху чётко что: сараи, гаражи, цистерны и прочее дачно-садово-огородное. С подворий доносились резкие звуки – это визжали газонокосилки и что-то вроде электрорубанка или электропилы по металлу. Чуть поодаль виднелся ещё один безобразный теремок, построенный в стиле «дёшево, но сердито». Я пробежался по пейзажу обескураженным взглядом и не увидел ничего, что ожидал увидеть. Прежде всего я не увидел руины. Но также я не увидел ничего того, что могло бы мне напомнить о восхитительных полароидных снимках, которые когда-то Тарковский сам сделал в Мясном. Я с ужасом подумал, что какой-то из этих домов поглотил тот небольшой кирпичный дом. Поглотил и похоронил в своей

безобразной утробе.

Благо я ошибся. Благо я просто не заметил потемневшее, невысокое, с наглухо закрытыми жестяными листами окнами и под жестяной же крышей строение, которое по самую крышу утопало в дико разросшемся кустарнике.

Встречали меня две дамы. Не буду без разрешения их описывать и называть. Они многие годы знали Андрея Тарковского, работали, дружили многие годы, жили с ним под одной крышей, прекрасно знали его жену и сейчас сотрудничают с его сыном Андреем Андреевичем. Меня они пригласили посетить Мясное, потому что, к моей великой радости, прочли и приняли мою книгу «Письма к Андрею», а также узнали, что я буду в Рязани с гастролями.

На сегодняшний день они – единственные, кто как может следит за домом, бережёт его и тратит на него много сил, времени и собственных средств. Дом принадлежит семье Тарковского, точнее сыну, и государство вовсе ничего не делает для сбережения того, что осталось в России от гениального её сына. Государство с невероятной стабильностью выражает своё пренебрежение, невнимание и глупость, не желая сохранять то, что формально ему не принадлежит. А если бы принадлежало, давно было бы уже погублено, расхищено, изгажено и уничтожено...

Волнение, которое я испытывал при подъезде к Мясному, усилилось многократно и превратилось в невероятно интенсивное и при этом безмолвное впитывание всех звуков, за-

пахов и тех слов, которые звучали из уст некогда знавших Андрея Арсеньевича. Я впервые готовился прикоснуться к тому, чего касался человек, который тридцать с лишним лет назад, в мои тринадцать лет, стал тем, кто очень многое определил в моей жизни и мощнейшим образом повлиял на все представления об искусстве и о месте художника в этом мире. Я готовился войти в жизненное пространство, созданное человеком, чьё присутствие всегда ощущал с момента знакомства с его кино.

Для того чтобы хранить дом Тарковского, пригласившие меня дамы некогда купили значительные земельные участки вокруг и даже часть полей в Мясном, построили один небольшой уютный домик, довольно далеко от объекта своей заботы, чтобы он никак не портил и даже не попадал в пейзаж рядом с домом Тарковского. Однако безобразные, уродливые и шумные новостройки буквально облепили маленький кирпичный домик. Если бы остальные участки не были скуплены хранительницами дома, весьма вероятно, всё было бы уже застроено чем-то, обитым сайдингом, и под металло-черепичными крышами. Я стоял и смотрел метров со ста пятидесяти на дом, о котором так много читал и видел на фотографиях, стоял и не решался к нему пойти.

«Когда-то в 1976 году Андрею Арсеньевичу предложили купить этот участок слева и домик, который там стоял, за 400 рублей. Это была хорошая цена. Потому что свой он купил за 800. Но он отказался и предложил 300, хотя у него и

трёхсот тогда не было. Он, видимо, полагал, что в этой глуши вообще никто ничего не купит, – услышал я историю, оглядывая окрестности. – Эх, видел бы он этот кошмар! – указывая на нависающий над домиком Тарковского кряжистый и при этом какой-то разлапистый, во всех смыслах куркулистый дом, сказала одна из пригласивших меня дам. – Он, наверное, нашёл бы тогда деньги!»

– А этот человек понимает или хотя бы догадывается, рядом с чьим домом он возвёл своё убожество? – спросил я.

– Знает, но не понимает, – был ответ. – Думаю, он с радостью бы сжёг всё, что осталось от Андрея. Андрей ему и мы вместе с ним только мешаем. Андрей до сих пор кому-то мешает своими представлениями о прекрасном.

Было начало пятого, и июньский зной чувствовался во всём. Он чувствовался непокрытой моей макушкой, он звучал кузнечиками, неторопливо жужжащими мимо мухами, он чувствовался в слегка влажном и тёплом запахе ещё совсем молодого разнотравья.

– Если бы вы видели, какие вчера нам поутру Андрей Арсеньевич прислал туманы! – сказала дама, которая многие годы работала с Тарковским. – Он очень любил здешние туманы, а туманы любили его. Он их часто фотографировал.

Я вспомнил фотографии, которые делал Тарковский в Мясном. Самый памятный снимок – это собака с одним повисшим ухом, сидящая спиной к объективу и, кажется, заворожённо любующаяся туманом, который непостижимо тон-

кой кисеёй висит, зацепившись за верхушки самых высоких стеблей травы. Вот откуда туманы в его картинах! Вот что он здесь увидел!

У родственников жены Тарковского был домик неподалёку от Мясного, в другой деревне. Он бывал в этих местах и любил гулять. Как-то увидел он дом в Мясном, стоящий на отшибе, старый, кирпичный, что необычно для этих мест. С рядами близких, довольно узких окон, что тоже, в целом, необычно. Видимо, влюбился сразу. Потом купил. А потом многие годы своими руками делал этот дом под себя и для себя. А ещё для многих людей, которые в этом доме останавливались и приезжали к нему в гости. Своими руками построил сарай возле дома. Сарай до сих пор стоит. Едва живой, весь чёрный, прохудившийся, окружённый подпорками, но стоит. И, чёрт возьми, он не должен упасть!

Дом несколько раз грабили в 1990-х годах. Благо самое ценное не похитили. Но многое безвозвратно утрачено. По этой причине дом наглухо заколочен и закрыт жестяными листами. Зрелище жутковатое, но вполне объяснимое. Когда-то Тарковский мечтал о черепичной крыше, но черепицы тогда не было. Пришлось ему покрыть дом шифером, который, как рассказывали те, кто видел, был слегка зеленоватым. Ничего лучше он подобрать не смог. Теперь дом покрыт оцинкованным железом, что, конечно, не красиво, – но хотя бы не протекает...

Когда-то Тарковский ездил сюда из Москвы шесть часов

автобусом, а от трассы шёл полями больше трёх километров, неся с собой продукты, которых в деревне купить было невозможно. Это трудно себе представить: человек, который блистал на международных фестивалях, который всей страной и мною, разумеется, воспринимался как аристократ, не вполне земной человек, а точнее – человек, побывавший на Солярисе... Этот человек никогда не имел автомобиля, мечтал купить «уазик», чтобы ездить в Мясное, но так и не купил. Этот человек своими руками построил сарай... Очень много чего сделал своими руками в доме и возле дома в Мясном.

Мы долго шли те самые сто пятьдесят метров к дому, шли без тропинки, через высокую траву. Я совсем-совсем затих. Подошли к заколоченной веранде, которую я тоже видел на фотографиях.

– Когда-то Андрей её покрасил на много слоёв олифой. Закатное солнце светило строго на веранду. В закатных лучах она была золотая. Он многое в этом понимал. Это потом Лариса (жена) покрасила её в зелёный цвет. Но зелень вскоре выгорела, а золото до сих пор проступает. Но как же здесь было красиво на закате! – услышал я, глядя на веранду.

Перед крыльцом я стоял около минуты, не решаясь на него ступить и вспоминая страницы дневника, где Тарковский описывал, как два дня делал это крыльцо.

4 июля

Крыльцо, ведущее на веранду и в дом, совсем небольшое, в четыре ступени. Каменное, точнее, бетонное, покрытое маленькой керамической плиткой 10 на 10 сантиметров, такой, какую мы помним по школьным столовым, общественным уборным и баням. Коричневые и бежевые, уложены в шахматном порядке. Плиточки лежат так, как их клали тогда, в советские времена, без чётких швов, кривенько. Пара плиток утрачена. Я рассматривал крыльцо, пока открывали дверь, и постоял на нём, когда все уже вошли внутрь и включили в доме свет. Перед тем как шагнуть в дом, я почувствовал лёгкое головокружение. Я понимал, что для меня происходит важное событие. Но ничего особенного не чувствовал. Только сердцебиение, головокружение – и всё.

Из открытой двери наружу, в знойный воздух, вырывался запах нежилого дома. Дома, который всю зиму, точнее, уже которую зиму подряд не топили. В этом запахе всегда есть что-то тёмное, влажное, затхлое, нежилое. Грустный запах. Возле самой двери на веранду, буквально при входе, на гвоздиках висела какая-то одежда. Старое пальто, чёрное, с чёрным блестящим подкладом, вельветовое пальто, женское, светлое, и что-то непонятное, довольно длинное, голубенькое. Одежда висела привычно, будто её набросили на гвоздик с тем, чтобы снова вскоре надеть, но так с гвоздя и не

сняли.

– А это его любимый халат, – было сказано про непонятно голубую одежду. – Он из него здесь почти не вылезал. Он в нём на многих фотографиях.

Я машинально протянул руку и потрогал висящий халат. Стёганный, похожий на узбекский, но необычной расцветки. Поношенный, но целый. Слегка влажный оттого, что висел в непроветриваемом и нетопленном помещении. Но какой-то совершенно, абсолютно настоящий. Реальный, не музейный. И поэтому в самом лучшем смысле тёплый. Сказано же – любимый халат. Мне сразу стало хорошо. Радостно. И совершенно ушло, вылетело из меня то чувство, с которым приходят к мемориалам и в дома-музеи.

В доме я увидел абсолютную и, можно сказать, безупречную красоту. Красоту, которая целиком и полностью продумана и сделана Андреем Тарковским, чтобы в этой красоте жить и эту красоту постоянно видеть. Это, конечно, дом и жильё большого художника. И хоть прошли десятилетия с того момента, как он вышел из дома и никогда в него не вернулся, и что-то из дома исчезло, а какие-то детали переставлены или утрачены, основа видна, и она проста и прекрасна.

Вход в дом не посередине. Он смещён влево. И от него идёт длинный узкий коридор, упирающийся в окно, под которым стоит большой обеденный стол и по три стула вдоль стола с двух сторон у стен. Слева и справа – по две двери и большой старинный буфет позапрошлого века. Буфет массивный

и весь-весь резной, в кружевах и узорах. Думаю, французский или испанский, хотя я небольшой знаток. Буфет этот не покрыт лаком, он красноватого дерева и выглядит потрясающе свежо. Это потом мне расскажут, что Андрей Арсеньевич многие дни и недели стёклышками скоблил его, очищая от старой краски, лака и шлифуя. Заматывал бутылку в тряпочку, разбивал её во дворе, а потом стёклышками чистил и чистил гладкие поверхности и все мельчайшие детали резьбы. Делал это не торопясь, и даже, как мне сказали, с удовольствием. После того как мне об этом сказали, я долго стоял возле буфета, гладил его и понимал, что я бы такого не смог сделать никогда, даже если б это было заданием или наказанием. Во мне точно нет ни того упорства, ни умения что-то делать собственными руками. Я бы, наверное, кого-то уговорил или убедил бы сделать это за себя...

Во всём доме стены белые – белёные. Потолки тоже с оставленными и выделенными чистыми деревянными балками. Потолок ни высокий, ни низкий – какой надо. В коридоре и во всём доме пол дощатый, мощные плахи. Лежат идеально, не скрипят и не прогибаются, положены давно, видимо, при строительстве. А дом построили в 1930-х годах. В центральном коридоре полы покрасили светлой краской. В комнатах доски не крашены. Тоже когда-то всё было скоблено стёклышками. В коридоре пол покрасили лишь потому, что женщины уговорили Андрея Арсеньевича: мыть некрашеное дерево ужасно трудно. Как мне сказали, он поддался,

но далеко не сразу. Хотел, чтобы всё было чистым и натуральным.

Слева у входа – жилая комната сына Андрея и, видимо, бабушки. В ней две старинных кровати, большой антикварный шкаф и толстая деревянная полка, подвешенная на железных цепях. Полке в функциональном смысле не нужно быть такой толстой, но получилось очень красиво. На полке стоят разнообразные предметы: книги, иконы, какие-то безделушки, старая бутылка тёмного стекла. Но как бы что ни стояло на этой полке, всё равно будет казаться продуманным. Вход на кухню дальше слева по коридору. Буфет как раз стоит между дверьми в комнату сына и на кухню. Двери кажутся старинными из-за того, что очень простые и без каких-либо излишеств. Кухня – единственное место, которое выбивается из общей строгости дома. Даже Тарковский ничего не смог бы сделать и оправдать в интерьере советские холодильники, раковину, а также необходимую на кухне кафельную плитку, полочки для посуды и прочее. Кухня напоминает дачные кухни тех времён. Плитка на стене забавная: большие, толстые, с выпуклыми деталями, явно взятые из какого-то панно или отделки необычного помещения. И светленькие, маленькие, приклеенные так же кривенько, как на крыльце. Большие плитки привезли откуда-то из Прибалтики, потому что маленьких на всю стену не хватило. Плитку тогда было трудно раздобыть. Да и приклеили, как смогли. Посуда на кухне помнит своего хозяина. Та-

релки не антикварные, но хорошие, простые, белые, с минимальным орнаментом. Стаканы и рюмки разномастные. Какие куплены Тарковским и успели ему послужить, а какие появились после – уже никто не помнит. С правой стороны дома – спальня, и у входа в дом, также справа – кабинет. В кабинет я вошёл в самую последнюю очередь.

На окнах в доме висят занавески. По-моему, льняные, и, как мне сказали, для каждой комнаты были занавески особого цвета и красили их тайком мастерицы на «Мосфильме». Теперь ткани выцвели, причём отчётливо видны на занавесках проёмы окон. Там, где падал свет, ткани выгорели, по краям же и внизу ещё угадывается цвет, которого хотел добиться хозяин дома. Покрывала на кроватях из той же ткани и покрашены там же и теми же руками. Видимо, красители были очень нестойкие. Но в выцветших этих тонах есть что-то величественное. В них есть что-то древнее, они выцвели сильнее, чем должны были за те тридцать лет, которые дом стоит без Андрея Тарковского.

Каждый стул, каждый шкаф в доме имеют историю. Весь этот антиквариат с большим трудом раздобывался Ларисой, женой Андрея. Каждый стул, каждый предмет не случайны. Из-за этого интерьеры дома абсолютно вневременные. Я не берусь определить стиль этих интерьеров. Отчасти его можно назвать древнерусским, но при этом всё живое, удобное и, несмотря на заколоченные окна, светлое. Свет былых лет чувствовался в каждой комнате. Свет того времени, когда в

доме шла настоящая жизнь и когда в нём, хоть иногда, случались радость и даже, как писал сам Тарковский, счастье. Я отчётливо чувствовал этот свет и вдруг услышал:

– Это был очень светлый дом. Андрей любил открывать все окна, и чтобы в комнатах было как можно дольше светло и не нужно было включать электричество.

В кабинете мне очень понравилось! Я подчёркиваю это слово: понравилось. Мне там сразу стало хорошо, удобно, приятно и всё понятно. Слева от входа, рядом с дверью – книжный шкаф. Точнее, полки. Книг много, все очень разные. Я с удивлением обнаружил даже пару томиков Александра Дюма, ещё макулатурного, советского издания (это были дефицитные книги, которые можно было приобрести, только сдав какое-то количество макулатуры). Как Дюма оказался в кабинете Тарковского?! Но я улыбнулся «Королеве Марго». Рядом с Дюма нашёл книгу о Дюрере, упомянутую в дневнике. Я хотел бы ещё поизучать полку, но меня тянуло к другим предметам.

Представьте себе комнату: тыходишь – и перед тобой в дальней стене три окна, довольно узких, но их три. И в стене с правой стороны, ближе к углу – ещё окно. Ясно, что комната очень и очень светлая. Слева, строго посередине, большой камин необычной формы. Он не очень высокий, но широкий, и, конечно, является смысловым центром комнаты. Камин похож на печь, потому что кирпичный, оштукатуренный и побеленный, как печка. По чёрным внутренностям ками-

на видно, что он не был декорацией. Мне сказали, его хорошо сложил местный печник, хотя и не представлял, как делаются камины. Андрей с удовольствием его топил и любил это дело. Рабочий стол стоит у дальней стены под средним окном. Он стоит торцом к стене. Рабочий стул – слева, так что сидя можно было смотреть в окно правой стены. Стол необычный. Его нельзя назвать письменным. У него нет тумб и всего пара выдвижных ящичков, да и те небольшие. На столе ничего не стоит. Зелёным сукном стол напоминает карточный игровой столик. Гнутые ножки. Не понимаю первоначальное предназначение стола. Может быть, для пасьянса. Не берусь судить. Но стол красивый и приятный. Как много пишущий за столом человек могу сказать, что стул и стол очень удобные. Интересно, были ли какие-то любимые предметы на столе? Сейчас нет ничего. Но мне кажется, так оно и было. Главным было то, что можно смотреть в окно прямо перед собой.

– К сожалению, вид, который был в этом окне, теперь уничтожен, – поймав мой взгляд, сказали мне. – Он очень любил здесь сидеть на закате. А солнце как раз в этом окне и садилось. Теперь деревья повыврастали, но деревья – не беда. А вот дом этот ужасный, его куда уже не убрать. Раньше была удивительная даль, возможно, из-за дали и заката он этот дом и выбрал.

Я тут же вспомнил историю про домик и участок за 400 рублей. Да! Кто тогда мог предположить...

А ещё я вспомнил недавнюю свою историю, очень похожую. Два года назад мы переехали в дом, в котором живём сейчас. Очень долго шла реконструкция, и нам уже не терпелось поскорее переехать в дом, который мы давно купили, но он требовал серьёзнейшего переустройства, а точнее, полной реконструкции. Дом довоенный, кирпичный, построенный так же, как дом Тарковского, в 1930-х годах. Хотелось сделать всё идеально, чтобы въехать и жить без ремонтов и серьёзных доделок. Хотелось, чтобы дом и садик были такими, чтобы можно было отдохнуть от кажущейся бесконечной стройки. Мы въехали и наслаждались особым образом жизни, который дарит отдельный дом. Никакая даже самая большая и дорогая квартира никогда не даст таких ощущений. Но по соседству, точнее, прямо за оградой громоздились безобразные гаражи, на которые смотреть было страшно, и каждый раз эти гаражи портили мне настроение. Однако никаким образом на их внешний вид повлиять я не мог. И вдруг хозяин гаражей вышел ко мне с неожиданным предложением эти гаражи купить и заломил за них такую цену, что мне стало скучно и грустно. Я немедленно отказался, сказав, что цена несуразная, и предложил другую цену, сильно меньшую. Я сказал, что никому, кроме меня, эти гаражи не могут понадобиться и что я воспринимаю это предложение как шантаж. Но, собственно, это и был шантаж. Потому что, действительно, гаражи могли понадобиться только мне и только для того, чтобы их убрать. Однако хозяин уверил меня, что

вместо этих трёх гаражей запросто можно построить хоть и небольшой, но дом. Это вполне реально, и соответствующие документы у него готовы. Я категорически отказался и сказал, что он не там ищет простака. Но через какое-то время я стал наблюдать подъезжающие к гаражам автомобили. Из автомобилей выходили люди, и хозяин показывал им строения. Я счёл это инсценировкой и опять же шантажом. Всё это длилось довольно долго, пока как-то раз Лена (моя жена), глядя в окно, не сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.